

Екатерина Рафалюк-Бузовская

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сборник рассказов
для людей,
читающих по-русски

Екатерина Рафалюк-Бузовская

Сборник рассказов для людей, читающих по-русски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51337543

SelfPub; 2020

Аннотация

Перед вами сборник писательницы и профессионального редактора Екатерины Рафалюк-Бузовской, известной под псевдонимом `kate_words`. В россыпи рассказов самых разных жанров, преимущественно юмористических, вы найдете ответы на вопросы: как правильно путешествовать во времени в холодильнике? что делать, если от детских криков отвалилось ухо? как с помощью стирального порошка парализовать инопланетян? что предпринять, если в новогодний вечер тебя похитили дед Мороз и курица? Скорее открывайте книгу: вас ждет увлекательный мир абсурда и неожиданных сюжетных поворотов! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие. Письма поклонников	5
Про пианиста Сережу	8
Про икоту	10
Трагедия на борту самолета, или Драма на острове	13
Откуда у пчелы жало	15
Про метро	17
Про Сталина	19
Не зря говорил Лесничий...	21
Стихотворение по картинке	23
Опоздание на поезд	25
Маяк...	28
Триста лет вперед и холодильник (рассказ без прилагательных)	30
Письмо	33
Марс и сникерс	36
Побег из детского сада (рассказ без глаголов)	38
Случай в офисе	39
Любовь не картошка	41
Ки и Ти	44
Смерть Сергей	49
История нашей любви	53
Про ботильончики	56

Когда твой кот – социопат	59
История одного дневника	61
Про обособление членов	64
Пик и Пок	66
Человечек из резиночек	68
Кася. Часть 1	73
Кася. Часть 2	75
Куда приводят мечты. О принце	78
Расставание	82
Синее-синее	84
Жираф и яблоко	87
Стратегия двух шагов к себе-богине	90
О трагических случаях в воспитании	92
Выбор	95
Грамматический постапокалипсис	97
Фиолетовый чемодан	99
Про мистера Нортон	102
1. Случай в ресторане	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Предисловие. Письма поклонников

«Здравствуйте, Катенька. Простите, что я так фривольно, но поверьте – я иначе не могу. Вот уже несколько недель я не в силах спать да и вообще думать о чем-то еще, кроме ваших карих глаз и шелковистых волос. Да-да, назовите меня извращенцем, но после прочтения вашего романа я собрал всю имеющуюся в Интернете информацию о вас и оклеил свою комнату вашими фото, выдержками из ваших интервью и даже отрывками из Романа¹ (кроме как с большой буквы, я о нем писать не могу). Не беспокойтесь, моя фея, я не рвал страниц этой уникальной книги, как можно! Я распечатал выдержки из ознакомительного фрагмента, размещенного в сети. Катенька! Я не знаю, как дальше быть. Я все время думаю о вас. Я уже даже начал писать продолжение вашего романа! Как Александра Рипли поступила с романом Маргарет Митчелл. Прошу! Будьте моей Маргарет! А я буду вашей Александрой! Да, знаю, знаю, у вас муж и двое детей, но они должны понять и не противиться силе искусства! Обнимаю ваши колени.

Ваш J.»

¹ Роман «Во всем виноват Денис, или Рассекая эпохи на Пежо» находится в стадии написания. Это письма из будущего. – *Примеч. авт.*

«Добрый день, Екатерина. Хочется выразить вам признательность за недавно вышедший из печати и уже завоевавший широкую популярность поклонников роман “Во всем виноват Денис, или Рассекая эпохи на пежо”. Я, как учительница физики в средней школе, была особенно обрадована появлением такой нетривиальной в наше время прозы. Очень много разделов учебника помогло мне объяснить моим нерадивым школярам ваше произведение. А самое главное то, что благодаря ему они действительно увлеклись чтением. Теперь штурмуют библиотеки и просторы Интернета в поисках золотого фонда фантастической литературы. За это передают вам спасибо также учителя русского языка и литературы нашей школы. А Кир Булычев и Герберт Уэллс расходятся просто как горячие пирожки. За это – спасибо от моей подруги, которая работает в издательском бизнесе и издает именно этих авторов. В общем, Екатерина, с нетерпением ждем ваших новых шедевров!

С уважением, Оксана Петровна Милосердова».

«Привет, Катюх! Слушай, ну и прикольную ж фичу ты за-

мутила! Мы с пацанами читканули и выпали в осадок. Это куда круче, чем танчики. Ваще отпад! Думаем теперь, куда б обратиться, чтобы игруху сбацали программеры по твоей книжке. Блиин! Ну вот просто круто! Молодца! Пиши еще! Макс и друганы».

Про пианиста Сережу

Жил-был на свете пианист Сережа. Оо, как же красиво он играл! Со всей Беларуси съезжались послушать его концерты. Это было что-то невероятное. Залы ломились, даже Минск-Арену собрал однажды, чертяка. Прямо как Макс Корж. Потому что никто не верил поначалу. Конечно, концерты были дорогими, но люди устраивали настоящие столпотворения, только чтобы успеть купить билеты в первые ряды. Почему они так гнались за ними, спросите вы, ведь это очень дорого? А все просто: у Сережи были сумасшедшие руки. Не руки, а самое красивое в мире божественное творение. Длинные красивые пальцы, мягкие и в то же время длинные округлые кисти... Руки были одновременно и нежными, и очень brutальными, и очень пианистскими... Женщины укладывались в штабеля, кароч.

И вот однажды случилось страшное: заболела любимая морская свинка Сережи, Анжела. Ох как он ее любил! Примерно так же, как его самого любили тетки-поклонницы. По многим врачам помотался Сережа, по многим ветеринарным клиникам, по многим знахаркам, экстрасенсам, колдунам, шаманам, к доктору Сайкову заходил, Кашпировского в Москве отыскал... Все тщетно. Чахла Анжела на глазах. А Сережа нервничал, седел и... начал грызть ногти. Друзья хватались за голову, мол, что же ты делаешь, это же твой

хлеб (с икрой, между прочим), твоё вдохновение, твоё всё — твои руки! Нет, никого не слышал Сережа, грыз ногти упорно, тщательно, нервно, самозабвенно, безапелляционно, с душой...

Ангела выздоровела. Опять стала скакать по шторам и катать в аквариум с рыбками Сережиной мамы. А руки... Руки было уже не вернуть. Привычка сгрызать всё до корня испортила подушечки пальцев, они потрескались, загрубели, удары по клавишам перестали быть такими чувственными, а иногда от боли Сережа попадал мимо, верхние арпеджио правой руки стали похожи на лепет новорожденного, а аккомпанементы левой — на бормотание старого бомжа. Опустели концертные залы, даже скромный ДК города Береза Брестской области не смог больше собрать Сережа... И остался он вдвоём с Анжелой. В обнимку. На диване. В депрессии. Нищий. И коммуналку больше нечем было платить.

Про икоту

– Здравствуйте, я Андрей и я... Простите, я немного волнуясь.

– Смелее, Андрей, здесь все свои, и вам нечего бояться.

– Я Андрей и я... икотист.

(Аплодисменты.)

– Добро пожаловать, Андрей! Мы очень рады, что вы с нами, в обществе анонимных икотистов. Здесь, после долгих тягот и лишений, вы встретите доброе плечо друга и взаимопонимание. Только я сразу оговорюсь: для лучшего прохождения терапии мы ушли от набившего оскомину в нашем обществе оскорбительного «икотист». Все мы здесь «икотята».

(Аплодисменты.)

Но вы можете пока называть себя так, как вам привычнее и удобнее. Итак, Андрей. Рассказывайте. Что привело вас к нам, как, когда и благодаря чему вы решили наконец избавиться от икоты?

– Ну, я простой автослесарь, жена, трое детей. Все было хорошо, жили, не тужили... Пока однажды я не замерз под осенним дождиком и со мной не случилось... Ну, это...

– Смелее, смелее, Андрей! Мы здесь учимся называть это слово, учимся принимать его, это в целях терапии.

– В общем, в тот день у меня случилась... и..и..икота.

(Аплодисменты.)

Я испугался, жена, как я увидел, тоже. Но она быстро взяла себя в руки и успокоила меня, мол, с кем не бывает, все мы живые люди... А потом... Потом все покатило, как снежный ком. Через неделю на юбилее тещи я наелся до отвала и опять она... и..икота.

(Аплодисменты.)

Теща – не жена, к тому же там были ее друзья, сослуживцы... Мне отказали от дома. Начались терки с женой, скандалы, слезы. От нервов я начал и..икать даже на ровном месте, просто во время просмотра футбола или за рулем. А когда икота напала на меня во время секса, жена ушла. Забрала детей и ушла. И вот я с вами.

(Аплодисменты.)

– Bravo, Андрей! Вам действительно пришлось нелегко. Как и всем нам. Но икотята – это мощная поддержка, это чувство локтя, это единое целое. Вам помогут, не переживайте.

– Правда? Вы хотите сказать, что все, кто сюда в разное время пришел, смогли навсегда избавиться от икоты?

– Ммм... Не совсем так, друг мой. Кстати, один маленький оргвопрос: вы принесли с собой квитанцию, подтверждающую перевод денег на счет нашего общества?

– Да, конечно, вот, все по правилам – 10 тысяч долларов уже на вашем счету.

– Отлично. Спасибо, извините, что прервал нашу беседу, бюрократические дела, сами понимаете, без них никак...

Итак, на чем мы остановились?

– Да по сути, на том, с чего и начали. Как же мне избавиться от икоты? Как этого смогли добиться все присутствующие?

– Ответ на ваш вопрос очень прост, друг мой, очень прост. Мы не избавились от икоты. Мы ею наслаждаемся. Она – наш релакс в конце трудового дня, она – наше отдохновение после выматывающих будней. Она – наш наркотик, наша вселенная. Спасибо за денежки, дурачок. Мы купим на них новые диваны в икотный зал, чтобы предаваться икоте было еще более комфортно. Муах-ха-ха!..

Трагедия на борту самолета, или Драма на острове

Нет большей горести на свете, чем смотреть, как вольно и весело плывут по морю корабли на белых парусах...

Джон поднял с земли камушек и запустил его далеко-далеко, туда, где час назад скрылась в голубой дали Ребекка. Наконец. Все. Закончилось. Он опустил голову вниз и посмотрел на свои руки. Мозоли и кровь, кровь и мозоли. Это все, что осталось на память о ней...

Месяц назад, когда они запланировали эту поездку в Сингапур, ничто не предвещало того, что сейчас он будет стоять на берегу и смотреть на свои окровавленные руки. Один. Теперь уже навсегда один.

Рейс Нью-Йорк – Сингапур вылетел как положено, по расписанию. Пассажиры удобнее устроились в креслах, достали свои гаджеты и погрузились в приятное времяпрепровождение. Каково же было их удивление, когда в салоне вдруг показался в стельку пьяный пилот с почти приконченной бутылкой джина и, пошатываясь, невнятно объявил, что он террорист и сейчас – ик! – самолет летит не в Сингапур, а в Кемерово, а еще на борту слишком много – ик! – отребья, достал пистолет и начал отстреливать, методично и бесстрастно, всех подряд. Шок, паника, крики, кровь, падающие тела

с простреленными затылками... Все смешалось в огромную кашу, и Джон с Ребеккой перестали понимать – реальность это или чей-то дурной сон. Джон, не будь он в прошлом солдатом Ирака, умудрился в этой толчее выхватить у все больше пьянеющего на глазах горе-террориста пушку и выстрелить в него. А потом еще и еще, еще и еще, он выпустил в него всю обойму, обезумев от страха за себя и жену, от разом нахлынувших воспоминаний о войне... Ребекка смотрела на него округлившимися от ужаса глазами. А самолет тем временем падал. И когда они пришли в себя, то поняли, что крушение неизбежно и произойдет вот-вот, и неизвестно еще, что хуже: погибнуть от пули или разбиться в самолете.

Бог милостив. Самолет рухнул в океан, и через совсем недолгое время, выплыв на поверхность, Джон и Ребекка увидели впереди сушу. Это был маленький остров. Быстро туда доплыв и придя в себя, Ребекка заявила, что не желает больше иметь ничего общего с убийцей. Никакие взывания Джона к ее разуму, никакие мольбы, просьбы и убеждения не помогли. Заливаясь слезами, Ребекка прыгнула в воду и через десять минут – не будь она чемпионка мира по плаванию на большие дистанции – скрылась на горизонте Индийского океана...

Нет большей горести на свете, чем смотреть, как вольно и весело плывут по морю корабли на белых парусах.

Откуда у пчелы жало

Давным-давно, в незапамятные времена, когда деревья еще были исполинскими великанами, леса простирались на многие тысячи километров, а моря почти не имели берегов, жила на земле пчелка по имени Майя. Однажды, в один погожий теплый денек, сидела она на кустике черной смородины и болтала ножками, хотя правильнее было бы, конечно, сказать задними лапками. В ручках (хотя, как ты уже догадался, мой мальчик, правильнее было бы, конечно, сказать – в передних лапках, но мы для удобства будем называть их ручками и ножками), так вот в ручках она держала небольшое зеркальце и придирчиво рассматривала себя в него. Рядом с ней, на другой веточке смородины, зевая и почесываясь, сидел ее друг – трутень Вилли.

– Ах, Вилли, – вздохнула Майя. – Ну посмотри, куда это годится. Что это за нос? Ну как можно жить с таким носом. . .

– Майя, ну перестань в конце концов. Мне очень даже нравится твой носик.

– Так это тебе. Мы же друзья. А знаешь, как на меня смотрят другие насекомые? Они хохочут и показывают на меня пальцами.

– Ладно, так и быть, скажу, – решился Вилли. – Мне жулици рассказывали, что у кузнечика Кузи открылся салон пластической хирургии. Он наращивает всем оторванные

лапки, добавляет шерсти на брюшки, даже рога жуку-олению восстановил. Сходи, может, и тебе он поможет.

Майя ахнула, чуть не свалилась с веточки, расцеловала друга и упорхнула в направлении, указанном Вилли.

Через два часа все население леса высыпало посмотреть на чудо чудное, диво дивное: Майя шла по тропинке, а вместо плоского носика на этом месте красовался длиннющий тонкий стержень.

– Где Вилли?! – кричала она. – Я его сейчас растерзаю! Почему он мне не сказал, что салон кузнечика Кузи работает пока в тестовом режиме! Он даже экзамен на право называться медиком не сдал!

Когда перепуганный Вилли появился на пути Майи, она, не зная, как выплеснуть на него свою ярость, больно ткнула его в бок своим новым носом. А нос взял – и отвалился. И так и остался торчать в боку у Вилли.

С тех пор, мой мальчик, все пчелы рождаются с длинным жалом, как наказание за строптивость пчелки Майи, которой не нравилось быть такой, какой она родилась. И вдобавок к этому жало теперь растет у них из попки. А стоит им кого-то цапнуть, как они его лишаются.

Про метро

С Танькой мы договорились встретиться под мостом на «Октябрьской», как всегда. Я пришел на десять минут раньше, стоял втыкал в телефон и слушал плеер. Не успел втянуться, как меня похлопали по плечу. Танька. Я взглянул на часы – ровно шесть. Надо же. Никогда не приходила вовремя, а тут, как к моим ехать знакомиться, не опоздала. Волнуется, наверное, подумал я тогда. Только чет не то в ней мне показалось.

– Ты волосы перекрасила?

– Да нет.

– Очки новые?

– Да второй год им, ты что.

– Каблуки? Вроде как ты повыше стала.

– Артем, ты в порядке? Я обычная. Как всегда. Поехали давай. Опоздать хочешь? Сам говорил, что твоя мама этого не любит.

Ну, мы сели в подошедший поезд в сторону «Уручья». Ехать было долго, до конечной, а я после работы, задремал. Очнулся – в вагоне никого, только мы с Танькой, а поезд несется по перегону.

– А с каких это пор до «Уручья» уже никому не надо доезжать? Не понял. Почему мы одни?

– Да ты знаешь, я и сама не в курсе, тоже заснула, просы-

паюсь – никого, только мы, – Танька отвечает.

Ну, едем, значит. Едем. И едем. Уже любой, даже самый длинный перегон закончился бы. А тут нет. И вроде скорость высокая, ладно бы если б поезд тащился. И чет я заволновался тогда. Не люблю все эти ужастики про метро, снится ж иногда такое, фильмов, книг тоже достаточно посмотрел-почитал. Не люблю.

– Тань, а что за фигня? Тебе не кажется, что мы уже полчаса от «Борисовского тракта» едем?

– Да нет. Нормально мы едем. Тут же длинный перегон. Забыл?

И вот она все это говорит, а поезд все так же едет, не сбавляя скорости, и никаких намеков на приближающуюся станцию. А потом вдруг хоппа! – и резкий поворот вправо. Ну реально, как в автобусе! Никогда еще такого ощущения у меня в метро не было. И резко свет. Яркий. С обеих сторон вагона. И все так же несемся! Капееец... Как я там кирпичей не отложил, не знаю. В итоге поезд начал замедляться – как будто теперь это было кому-нибудь важно, ага. А дальше!.. А дальше Танька, ну чисто как в триллере, подносит руку к лицу, отодвигает кудри со лба, поддевает кожу и резко сдергивает лицо! Под которым мужик! Усатый! И говорит мне басом: «Майор Коваленко. Потрудитесь объяснить, гражданин Тимофеев, куда вы дели пять кило гашиша». Вот так меня и спалили.

Про Сталина

Старенький настенный приемник «Аризона» внезапно пропищал своим противным голосом. «11 утра, – поняла Света. – А я все еще лежу. Надо вставать. Кефир же прокис, а у меня сегодня по плану оладьи для Виталика». Но вставать совсем не хотелось: воскресенье, по стеклам стучит дождь с градом. Какой магазин, какой кефир... Да и неизвестно, привезли ли свежую партию в их гастроном, что за углом. Света вздохнула, сладко потянулась и с сожалением сунула ноги в тапки. По дороге на кухню пнула кота, открыла клетку с канарейками, покормила рыбок, почесала за ухом черепаху... День начинался как обычно. Что у нас там в холодильнике? Сосиски, заплесневелый кусок сыра, ах да, прокисший кефир. Света скривилась. «Нет, вот пусть сам идет, а? Почему я должна все время? Ему же оладьи, не мне? Вот придет – и я ему скажу, чтобы сам смотался, нечего жену эксплуатировать». Кот согласно мяукнул, канарейки в поддержку пискнули, рыбки постучались своими губами о стекло аквариума, а черепаха солидарно наступила Свете на ногу, проходя в этот момент по коридору.

Град не прекращался, казалось, градины сейчас пробьют стекло. Света прошлепала спадающими тапками к окну. Картина открывалась не радужная. Прямо скажем, удручающая была картина. «Хороший хозяин в такую погоду да-

же хозяйку не выгонит в магазин» – опять подумала Света. Вдруг в замочной скважине завопили ключом. «Ага! Вот и он!» – Света встала в боевую стойку и приготовилась выдать тираду о пользе мужских прогулок в магазин под дождем. Распахнулась дверь. На пороге стоял мокрый Виталик с перекошенным лицом. Переведя дыхание, он выпалил: «Сталин умер!»»

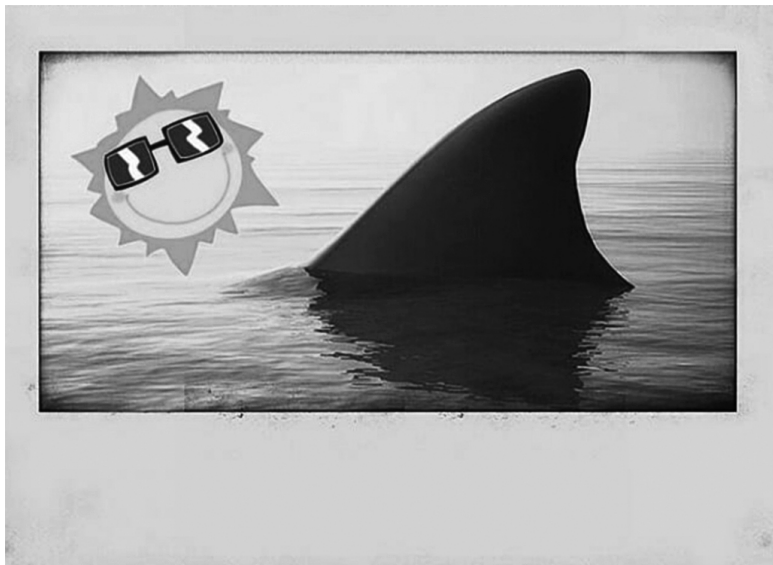
Не зря говорил Лесничий...

Не зря говорил мне Лесничий: после захода солнца будь настороже. Заметут как пить дать. Все у них не по-людски, не то что у нас в XX веке: день-деньской – сиди дома и не рыпайся, чуть стемнело – можешь идти на дело. Не, ты глянь, стихами заговорил... самое время и место. Тьфу. И что теперь делать? И сдался мне этот миелофон... Нееееет, все у них не по-людски. Хочешь, расскажу, как дело было? Спешить-то теперь уже некуда... Черт, как нога-то болит...

Анька, дочка моя, подросток. Пацанчики-романчики пошли. Любовь-морковь там неразделенная, все дела. Сохнуть начала, говорит, Витька на меня не смотрит, пап, за Ленкой Ивановой бегают. А я люблю, мол, его, жить не могу. Вот бы у меня был приборчик такой, как в фильме «Гостья из будущего», помнишь? Миелофон. Он мысли читает. Может, сгоняешь к дяде Валику Лесничему, он в институте разработок и метапсихофизических коммуникаций турбулентно-корпускулярного фотосинтеза вневременных и социолингвистических псевдопроекции будущего работает. Может, поможет он тебе? Сам же говорил, что машина времени существует, только это секретный проект государственный. Ну я чо, я дочуру люблю. Поехал. Валик принял меня как родного, елы, сколько с той отсидки прошло нашей... Почитай, лет пятнадцать. От звонка ж до звонка вместе чалились на соседних

нарах. Теперь я простой грузчик, а он вона, такую должность имеет. Ну, подсобил он мне, конечно. Отправил меня сюда, к вам. За миелофоном этим, чтоб его... И ведь предупредил же: днем они спят, а ночью ходят, хоть и люди те же, что мы, но за сто лет все изменилось, гаджеты им глаза испортили вконец, все, кранты, не могут видеть ничего днем, а ночью живут, как это он выразился – «активной социальной жизнью», во! Ну и все. Я как приехал, ну, как машина времени закончила меня в этой центрифуге крутить, открыл люк, а там темень. И понятное дело, забыл сразу все напрочь. Блин, да как нога-то ноет... И сразу тело и мозг вспомнили, как по ночам разбой-грабеж-нападение устраивали с Лесничим. Пошел себе по адресу, что Валик дал, перелез через забор, потом по тропинке, к дому, потом стал искать, где потайной ход в окне, ну а дальше ты все знаешь... Ногой в капкан, упал, выскочило ваших человек писят. Повалили, повязали, скрутили, сюда бросили. И что дальше-то? Расскажи, чо будет? Как у вас в конце XXI века правосудие работает? Что? Как канныбализм? Чтоooo? Отрубят и сварят? Да ты гонишь. Я не верю. Вы ж люди, людочки, родненькие, вы же наши, русские, куда ты? ты что? не подходи! да что же это делается, помогите, ой не зря, не зря говорил мне Лесничий: после захода солнца будь нас...

Стихотворение по картинке

– Ой, смотри, Наташка, кит!
– Ты чего, совсем упит?
Говорила ж – хватит жрать
Водку, ети ее мать!

Всю неделю ты в дрова.
От приехал на юга!

– Да китяра эт, смотри!
Вон, махает из воды!
– Чем махает-то, рукой?
Ты совсем уже бухой?

– Извините, я дельфин.
Кит сюда бы не доплыл.
Если я пойду на север,
Попаду в отель «Тагил»?

– Вить, давай-ка, дорогой,
Потихонечку домой.
Завтра, Витя, при +40
Мы из дома ни ногой.

Опоздание на поезд

Адольф Палыч, запыхавшись, вбежал в переднюю, по пути сбрасывая с себя котелок и швыряя в угол тросточку:

– Китти, душа моя! Одеваться! Поезд через два часа! Митенька и Сонечка уже вернулись из гимназии?

Катерина Анемподистовна вышла ему навстречу и всплеснула руками:

– Ах, Додька, ну какой же ты невозможный! Ну как всегда! Ты не мог раньше приехать или прислать курьера?

– Китти, милая, да вот только полчаса как Маресьев телеграфировал из Петербурга о том, что они готовы нас встретить и оговорить условия сделки. Надо спешить, ты же знаешь, как она для нас важна.

– Да как же я теперь успею! Дуня, Дуня! Ну куда же она запропастилась, чертовка, как всегда! Дуня! Где саквояж? Мои платья, перчатки, живо!

Катерина Анемподистовна заметалась по комнатам в сборах. То здесь, то там то и дело раздавались ее указания и причитания. Послали за детьми. Когда они явились, им было велено срочно бросать все забавы и собираться в Петербург.

– Маменька, ну как же так! А как же салки? Мы с Ванькой только начали!

– Сколько раз вам было говорено – не водиться с крепостными! Фи, дети! Ну вы же аристократы, дворяне, что о вас

подумают люди из нашего круга, а какая молва пойдет о нашем семействе! Впрочем, сейчас не до разговоров! Мы опаздываем!

И Катерина Анемподистовна снова заметалась, в то время как Адольф Палыч не спеша выкурил трубку и телеграфировал в Петербург своему старинному однокашнику Маресьеву о том, что они с семейством выезжают двухчасовым поездом и завтра будут у них. Сделка намечалась серьезная: Адольф Палыч долго присматривался к Семену, крепостному Маресьевых. Уж очень он хотел заполучить себе этого исполина. Тот и на работе в поле сгодился бы, и вполне заменил бы Луку, трубочиста, что свалился намедни в трубоход да сломал себе обе ноги. За этими размеренными мыслями Адольф Палыч и не заметил, как прошло уже добрых полчаса с момента, как он появился дома.

– Китти! – закричал он бешеным голосом. – Вы готовы?

Из глубин комнат раздались сдавленные рыдания. Адольф Палыч поспешил туда.

– Ах, Додя, – всхлипывала Катерина Анемподистовна. – Мурзик порвал мои последние чулки, что я надену? Ты же все ассигнации копил на куплю Семена, мы поиздержались, я не заказывала у модистки чулок в этом месяце.

– Душенька, сейчас ведь лето, а у тебя такие длинные юбки! – взмолился Адольф Палыч.

И Катерина Анемподистовна, взглянув на несчастное лицо благоверного, решилась на страшное – выйти в люди без

чулок.

– Митенька, Сонечка! Почему вы еще не в передней?

– Папенька, Сонька стащила мою лошадку, а я хотел до-скакать до вокзала на ней!

– Митя, голубчик, ну какая лошадка! Я в Петербурге куплю тебе вороного рысака, если сделка состоится! Поехали на вокзал, бог ты мой!

Спустя еще полчаса семейство прибыло на вокзал. Пута-ясь в юбках и саквояжах, спотыкаясь о зонты и потеряв мат-росскую шапочку, они добежали до нужного перрона. Двух-часовой поезд «Москва – Санкт-Петербург» весело прогудел им, скрываясь на горизонте...

Маяк...

«Его привела к нам Эльза. Она впоследствии еще много раз упрекала меня в том, что все так получилось. Только версия, ставшая достоянием общественности и учебников, признаюсь, все же не самая верная.

Было лето. Кажется, самая его макушка. Мы с мужем приехали в Москву на пару дней – папенька приболел, нужно было его навестить. Как сейчас помню: несу из кухни в спальню поднос с бульоном, и входит он. Ну, то есть, конечно, не он, а они с Эльзой. Она разгоряченная, со сбитыми локонами, со следами только что игравшего на лице безудержного смеха. Он – гигантский, едва не снес притолоку. Невзирая на жару, подтянут, опрятен и нордически холоден. Вонзился в меня глазами. На одно мгновение. Но его было достаточно. А дальше – снова коридор, наш длинный коридор московской квартиры. И бульон. Папенька о чем-то спрашивает, что-то рассказывает... Не слышу. И не вижу. Внутри только его взгляд. Никогда я еще об этом не говорила. Мне было выгодно, чтобы все считали иначе.

Ося сразу все понял. Но тоже молчал столько лет по другой причине. Во-первых, гордость. Во-вторых, он также пал его жертвой. Да, «такое» случилось и в наше время. Но не приведи господь было тогда предать это огласке.

Так мы и жили. Да, втроем. И да, наша спальня видала

столько и могла бы столько рассказать, что это стало бы бестселлером на все времена. Мы создали легенду о нас, в нее поверили все, даже самые близкие друзья. Но о том, что было на самом деле, я говорю только здесь и сейчас. Я никогда никого так не любила, Ося никогда никого так не любил. А он... он позволял нам любить его такой разной любовью. Сейчас, спустя почти полвека, мне все так же невыносимо вспоминать о том, как мало времени было отпущено нам свыше. Но разве могло быть иначе? Создатель и так отмерял нам слишком много, если судить другими мерками. Володя жил и творил за наш счет. Мы купали его в роскоши и сибаритстве, во всем, что могли ему дать. Включая свою любовь. Которая была ему, увы, не нужна. И это было очень больно, Володя.

Пора кончать. Я уже чувствую действие нембутала. В моей смерти прошу винить В. Маяк...»

Триста лет вперед и холодильник (рассказ без прилагательных)

Они пришли за мной на закате. Обычно в книгах для людей, не страдающих интеллектом (назовем их так), «они» приходят на рассвете. А за мной вот нет, на закате. В решетку камеры пока еще слабо, тускло, но уже заглядывала луна. В этих же упомянутых произведениях в решетку обычно прокрадывается луч солнца, а ко мне вот заглядывала луна, невозмутимо, как-то уж очень спокойно, что совершенно не соответствовало моменту.

– Вставай, – сказал один из конвоя. – Руки за спину. Вперед.

Мы шли не сказать чтобы долго. Просто почему-то очень медленно. Они никуда не торопились. Как та луна. «Та»... Как будто есть еще луны кроме нее. Да, есть, – вздохнулось мне. Там, триста лет назад. Или она все-таки та же? А кто ее знает. Судя по тому, как бесстрастно она взирает на то, что сделали с моей Землей за последние триста лет, ей глубоко фиолетово и на всех нас, и, боюсь, даже на саму себя.

– Пришли. Осталось подождать гуру. Он будет тебя судить.

– Суд? Еще суд? Да вы издеваетесь? Здесь зябко и сыро и, в конце концов, темно. Давайте, может, без вашего гуру как-

то поскорее разберемся?

– Впервые вижу человека, который так сильно хочет поскорее расстаться с жизнью, – хмыкнул тот же конвоир и сплюнул напрямик в лужу, из которой на меня опять уставилась луна-флегматик.

– Вы знаете, я лучше расстанусь. С жизнью. Чем с вами оставаться. Вот вы хотя бы иногда задумываетесь о том, во что превратили планету?

– Не, у нее опять обострение, – заржал конвоир и пошел к своим дружкам.

Гуру, черт бы их побрал с их формулировочками, все еще не было. Время работало на меня, но я все равно почему-то особо не надеялась. Замерзла. Хотелось размять затекшие руки, но где там, они же их связали, прежде чем оставить меня тут прохлаждаться.

Внезапно темноту разбавил свет фар. Визжа тормозами, ко мне подъехал внедорожник. Из него вышел мужик. По виду – гопник 80-го уровня. Мрачно уставившись на меня, произнес:

– Женщина, вам известно, в чем вас обвиняют?

– А как же. Доложили сразу. Тянуть не стали.

– И что вы можете сказать по этому поводу?

– А вы что, тот самый гуру, что ли?

– Во-первых, это не ваше дело. Во-вторых, я жду ответа.

Вдруг резко потянуло сквозняком. Так и есть! Вот поражаюсь ему, всегда успевает! На землю (хорошо хоть, никого

не убил, хотя некоторых, может, и стоило) со свистом грохнулся холодильник завода «Атлант». Из дверцы вырвались клубы пара, а за ними показалась голова Женьки:

– Блин, ну ты как всегда. Казнь пахнет? Я не понял.

– Агааа, – расплылась в улыбке я.

Женька закатил глаза, цыкнул языком, схватил меня за руку, втянул в холодильник, и мы умчались обратно, в наш XXI век.

Письмо

«Привет, мам.

Нет, наверное, не так нужно, а “Здравствуйте, мама”. Но я так не могу, поэтому —

Привет, мам.

Ты не удивляйся, пожалуйста. Да, я жив. И да, это я. Ты меня помнишь? Странно звучит, согласен.

Меня зовут Алексей. Меня так называли. Врачи ошиблись, мам. У меня нет и не было синдрома Дауна. Они потом рассказывали, что “на папашку надо посмотреть, может, там просто такие черты и телосложение”. Мда... А ты так поспешно убежала. Наверное, чтобы поскорее забыть, какое чудовище произвела на свет прямо в свой день рождения. Я эти подробности так хорошо знаю, потому что с самого начала для меня было важно знать, кто я и откуда.

А дальше... Дальше тоже все было совсем не весело – так же, как и начиналось тогда, 30 лет назад, в роддоме. В доме малютки я пробыл положенное время, а потом меня определили в детдом. Что-то на небесах, наверное, щелкнуло, потому что это оказался самый лучший детский дом в нашем городе. И тем страшнее мне до сих пор представлять, что было бы со мной, если бы это оказался самый плохой детдом города. Меня били. Много, часто, остервенело. Такое ощущение, что били всегда, все то время, что я там жил. Челове-

ческая раса и без того жестока, а что уж говорить, когда это маленькие человеческие волчата, к которым попадает очень непохожий на них волчонок. Большая голова, крупные нос и губы, нависающие веки, одутловатые щеки, сам пухлый, а ведь пухлыми в таких учреждениях дети не бывают априори. Как такого не бить...

Когда я уже начал думать, что бы с собой сделать самому, чтобы прекратить это навсегда, на меня вдруг обратил внимание Сергей Иванович, наш новый физрук. Он поступил мудро, как поступили бы лишь единицы. Когда он понял, что происходит, он не стал меня защищать, щемить моих обидчиков, нет. Профессиональный тренер по борьбе, он пригласил меня, увальня, к себе, на занятия его секции, которые проходили в спортзале нашего детдома. И больше уже не выпустил из рук. Он не только обучил меня своему искусству – он дал мне все. Своей возросшей силе духа, своей теперешней жизненной философии, своей новой подтянутой поджарой фигуре, наконец – всем я обязан ему.

Я окончил школу, поступил в институт физкультуры, переехал в общежитие и постарался начисто забыть о своем детстве в детдоме. А с Сергеем Ивановичем мы продолжали оставаться добрыми друзьями. А однажды, за беседой, я показал ему свои дневники, которые вел с раннего детства. Все эти потрепанные общие тетради, с кое-где заскорузлыми от слез страницами... Прочтя кусочек, Сергей Иванович забрал все дневники с собой и прочел их за одну ночь. А наутро, ко-

гда мы встретились, он сказал, что покажет их своим приятелям, супружеской паре, владельцам известного издательского дома. А дальше было как в кино, мама. Издатели захотели познакомиться со мной лично, знакомство состоялось, я стал вхож к ним в дом, мы стали общаться на короткой ноге. На основе моих дневников они издали книгу, которая сразу выстрелила. О новом даровании заговорил весь город, а следующие тиражи разлетелись и по соседним странам. Потом была еще одна книга, потом еще... – дневников-то хватало. И так к 30 годам я стал известным писателем, мама. А сегодня, как раз в день своего 30-летия, я закончил свою “юбилейную”, пятую книгу. И мы договорились с супружеской парой моих издателей, что я сегодня же принесу рукопись к ним домой. У них намечается званый ужин – сегодня день рождения не только у меня, но и у жены издателя. Так что я сейчас дописываю свое письмо, мама, запечатываю его в конверт, встаю со скамейки (на меня уже косятся прохожие), бросаю его в ваш ящик и звоню в вашу дверь. И с днем рождения!»

Марс и сникерс

К утру они вышли на равнину. Она простиралась, насколько хватало глаз. Серо-голубая, в цвет деревьев леса, по которому они прошагали последние трое суток. По-прежнему не было ни души, только отчаянно палило зеленое солнце на малиновом небе.

– Сэр, запасы воздуха подходят к концу, приборы показывают 17 процентов.

– Я знаю, Ковальски, знаю. Эта адова планета спалит нас к чертям еще до захода солнца. Как опрометчиво было оставлять корабль!

– Сэр...

– Сказал же – не виню тебя. Кто его знает, как бы я сам поступил. Это нештатная ситуация, она не прописана в уставе.

– Сэр, смотрите, слева по курсу грот!

– Ну вот, хоть что-то. Давай-ка подойдем, может, удастся немного восстановить силы. А что это там, вот, возле самого входа в пещеру?

– Сэр, это же... я не верю своим глазам! Это же фантики от шоколадок! От земных шоколадок, сэр! Смотрите, марс, сникерс! Неужели здесь были земляне?!

Ковальски бросился к оберткам, поднял их и начал целовать, пританцовывая на месте. Из грота, подобно языку жабы, ловящей мошку, молниеносно выскочило длинное шу-

пальце, в одно мгновение сграбастало Ковальски и утащило в темноту пещеры. Спустя несколько минут из ее недр неспеша вылетели обертки от марса и сникерса и, снова ровные и совсем не примятые, как осенние листья, легли на поверхность планеты.

Побег из детского сада (рассказ без глаголов)

Компотики, супчики, такие вкусные тефтельки... А вот на тебе – все равно отравление. Массово, в первой младшей. В яслях то бишь. Вот ведь. И главное, Петровна такая, заведующая: «В РОНО докладную! А там и в прокуратуру!» Ох-ох... А у меня ведь двое, и я одна с ними. Кредит, поборы в школе. Выпускной вон у старшей на носу. У младшего обуви нет... А родителям из группы как в глаза теперь... Я ж тут 20 лет уже, все родные, в семьях по трое, всех по очереди к нам в сад. Ох-ох...

Нет, надо прямо сейчас. После обеда. Как раз у детей сон. Сумочка где? И документы все мои. А, ну да, в сейфе в бухгалтерии. Надо ж с трудовой, чтобы сразу с концами. И еще какое-нибудь лохмотье сверху, у уборщицы в каморке. Чтобы, значит, маскировка... Так. Хорошо. И дырка в заборе где-то там. Тихонько, аккуратно, чтобы никто... Вот. Теперь пулей за детьми и из страны!

Случай в офисе

В серверной было тесно. Путаюсь в проводах, я чертыхнулся и даже пожалел, что затеял это. Но стоило мне вспомнить всю глубину случившихся глубин – и праведный гнев снова раздул мои ноздри. Стоя с этим пакетиком в руках, я ощущал себя Робин Гудом, который вот теперь-то и отомстит за все и всем. Щелку в двери я, конечно, оставил минимальную, перестраховался. Поэтому видно было очень плохо. Но яркое красное платье фифы Лизоньки, нашей секретарши, отчетливо мелькало даже в этой щелке. Когда она взяла лейку и направилась поливать цветы в дальний кабинет, где у нас сидят тестировщики, я понял – пора! Пулей прошмыгнув через приемную, я ворвался в пока еще пустой утренний кабинет шефа, метнул в стоящую на его столе чисто вымытую кружку заготовленный чайный пакетик и так же быстро выскочил из двери. Взгляд налево, направо – чисто! Выдохнув, я пригладил растрепавшиеся волосы и прогулочным шагом почесал на свое рабочее место, ждать продолжения марлезонского балета.

Минуты тикали, офис наполнялся народом. Вот и голос шефа раздался где-то там, в приемной. Терпение. Еще несколько минут терпения. Ждем. Спокойно. Вот сейчас. Вот уже сей...

– ЛИЗАААА!!!! Твою мать!!!!

Стук! Удар! Кажется, двери сейчас сорвутся с петель.

– Лиза!!!! Я сколько раз говорил следить за комплектацией!!!! Где туалетная бумага?!?!?!?

Бинго! Месть сладким сиропом разлилась по моему телу, я растянулся на стуле и приступил к изучению того, чем же можно заняться в отпуске, который у меня будет в ноябре. Потому что «в этом году, Черепанов, по итогам вашей работы, в отпуск я могу вас отпустить только в конце осени».

Любовь не картошка

«Нет, Аглая Львовна оказалась-таки права. Девятнадцатая капсула сработала криво. Но кто бы мог подумать, что в наше время оборудование, не до конца прошедшее техосмотр, можно спокойно выставить в общий ангар. Это Петрищева на них нет. В его бытность такое было просто невозможно. Охламоны чертовы, распоясались. Ну ладно, надо как-то выбираться. Дверь вырвало с мясом, надо полагать? Ну конечно, такой удар был. Нет, если я попаду домой, я точно напишу рапорт на имя Сквернюка, пусть разбирается. Давно пора половину поувольнять».

В дыру, недавно бывшую герметичной дверью машины времени, вдруг потянуло жареной картошкой. Игорь Семенов, только что вдохновенно размышлявший о судьбах сослуживцев, работавших с ним бок о бок в Воложинском Институте Стратегических Общественных Киберпространств (сокращенно ВИСОК), от удивления подскочил и больно ударился о приборную панель.

«Что это, черт побери?.. Это Марс? Это же Марс, блин? Или эти тупицы и здесь напортачили? Нет, Марс, все верно. Вот, на панели указано. 7 апреля 2035 года, за три месяца до первой успешно завершённой пилотируемой высадки человека на Марс. Специально же так рассчитывали, чтобы попасть сюда именно в это время, все переиграть и присвоить

себе лавры первопроходцев. А то Институту сильно урезали финансирование, зарплаты упали и вообще в Воложине стали поговаривать о ликвидации организации. Все так. Я в своем уме. Да. Но картошка? Жареная картошка?!...»

Чертыхаясь, Семенов осторожно выбрался из того, что осталось от машины времени. Через покореженное ударом стекло шлема было плохо видно, но то, что удалось рассмотреть, не оставляло сомнений: Семенов находился в крытом брезентом огромном шатре. В нем была оборудована кухня. Кругом, за пределами шатра, насколько видел глаз, просматривался красный марсианский песок, но здесь, блин, была кухня! На плите покрхтывала сковородка, из-под крышки которой и тянулся этот знакомый до боли аромат. А возле шкафчиков суетился... Нет, этого не может быть... Древний американский актер Мэтт Деймон, бывший очень популярным тогда, сто лет назад, в эпоху аудиовизуального кинематографа. Семенов остолбенел. «Почему я раньше не замечал, как он хорош? – лихорадочно думал он, пожирая звезду глазами. – Эта статья, мускулы... А взгляд! О боже! Я же... Кажется, я люблю его!»

Мэтт снял с плиты сковороду и повернулся к Семенову.

– Картошку будешь? – подмигнув, спросил он.

– К ччччerrртту картошку! – зарычал семьянин, отец двоих детей Семенов, бросаясь к Деймону и судорожно пытаюсь стянуть с себя скафандр.

Мэтт улыбнулся, поставил сковороду на стол, взял Семе-

нова за руку и, на его глазах превращаясь в ординатора 3-го отделения Воложинской психоневрологической больницы В. А. Сквернюка, нежно произнес:

– Аглая Львовна, кажись, переборщили вы на этот раз с кетаминном. Вызывайте Петрищева, и пусть захватит галоперидол.

Ки и Ти

Мы стояли в просторном коридоре на 21-м этаже этого здания, я, Ки и сотни наших коллег или товарищей по несчастью/счастью – даже не знаю, как в этом случае будет правильно. Нас просили явиться к девяти, была уже половина десятого, но народу все прибывало. Так я впервые увидел, сколько же нас – тех, кто по завершении годичного обучения должен был сегодня отправиться на длительную стажировку.

Ки старалась держаться уверенно – она все еще надеялась, что нас пронесет. Присутствующие вели себя по-разному: кто-то нервно мерил шагами холл, кто-то стоял в очереди к автомату с поливом. Группка молодых Яблок весело хохотала, наверное, вспоминая вчерашний банкет по случаю окончания курсов. «Гопники, – зло подумал я. – Вот уж порода... Везде себе место найдут, везде на них по сто заявок в сутки». Я вздохнул и посмотрел на Ки – она присела на стоящий рядом стул, вытащила из складок прицветника Лунный Календарь, четки и что-то шептала, прикрыв глаза и молитвенно сложив ладони.

Дверь распахнулась. Из кабинета вышел уже немолодой Белый Виноград. Выдержав эффектную паузу, он торжественно произнес:

– В Шардоне!

Холл разом ахнул, выдохнул, начался гул. Ки вскочила,

схватила меня за руку:

– Ти, скажи, что нам повезет так же! Скажи! Скажи!

Я в отчаянии сжал зубы и с усилием улыбнулся:

– Ки, милая, все будет хорошо. Все будет хорошо. Молись.

Будь сильной.

И она опять упоенно припала к Лунному Календарю.

Время тянулось медленно, народ выходил из заветного кабинета то со счастливой улыбкой на лице, то вприпрыжку, радостно размахивая распределительным листом. Кого-то почти вели под руки товарищи – настолько ошеломительным был удар, нанесенный Высокой комиссией. Последние полчаса мы с Ки провели крепко обнявшись, словно уже почувствовав, что время, отпущенное нам, на исходе.

Дверь снова распахнулась:

– Клубника РК15648!

Ки вскочила, заметалась, роняя вещи:

– Ти, я без тебя не пойду! Мы же договорились, помнишь?

Кто-то, за столько часов уже успевший узнать нашу историю, крикнул в раскрытую дверь:

– Они вместе с Тыквой БЖ89723! Они молодожены!

И нас протолкнули в дверь одновременно.

За огромным столом в дальнем конце кабинета сидела Высокая комиссия. «Конечно, одни Корнеплоды, – с горечью подумал я, и мне захотелось сплюнуть себе под ноги. – Вот поэтому так и живем. Потому что одни Корнеплоды у власти на местах. Когда же это кончится... Видимо, уже не на

нашем с Ки веку...»

Мои размышления прервал строгий голос. Говорила пожилая Брюква с высокой прической.

– Клубника РК15648, ваши итоговые отметки позволяют нам предложить вам клубничный торт. Коржи бисквитные, крем сметанный. Обращаю также ваше внимание, что ваши отметки дают вам право выбора. Но выбор у нас в этом году не велик – или торт, или варенье. Ваше решение?

Ки побледнела и до сока прикусила губу.

– А мой супруг? – еле слышно спросила она. – Могу я сначала узнать, что у вас есть предложить моему супругу?

Корнеплоды переглянулись. Сельдерей презрительно хмыкнул, Свекла закатила глаза. Остальные лишь пялились в телефоны с совершенно отсутствующим видом.

– Да, пожалуй, можете, – брезгливо выпятив всю розетку, процедила Брюква. Тыква БЖ89723 не проявил такого же усердия к учебе, плюс я вижу, что поведение тоже оставило желать лучшего, плюс никакого участия в общественной жизни курса. Ну и в довершение – его специфическая узость применения.

Мы с Ки замерли от ужаса.

– Поэтому – хэллоуин! – грянул сокрушительный вердикт.

Ки заломила руки. Я зашатался и схватился за спинку стоящего рядом стула:

– Вы не имеете права! – прохрипел я. – Я добропорядочное интеллигентное растение! Я веду правильный образ жизни!

ни! Я не желаю иметь ничего общего с этим... с этим... – Я не мог даже выговорить название адского ужаса, на который меня собиралась обречь эта гниль. – Хватает же мест для таких, как я! Супы, каши, да те же пироги и печенья, наконец!

– Не прислали заявок! – загремел металлом вдруг очнувшийся Редис. – Или вы соглашаетесь, или в отходы!

Я быстро взглянул на Ки. Она все поняла, коротко улыбнулась и уверенно кивнула. Мы взялись за руки, подбежали к окну, быстро распахнули его и прыгнули вниз.

Ребята, коллеги. Мы пишем вам с единственной целью (хоть нам это, поверьте, сейчас очень нелегко – приходится наговаривать этот текст тому, кто может держать в руках ручку и блокнот). Так вот, мы хотим, чтобы вы знали: любовь сильнее смерти. И есть жизнь после жизни.

С приветом из клубнично-тыквенного пюре для детей раннего возраста. Ваши Ки и Ти.

Смерть Сергей

– Блииин... Ну я сегодня капец как задолбался. – Сергей тяжело присел на скамейку и закурил.

– Что, дорожное? Или обрушение какое? – спросил с интересом Виталик, торчавший в курилке уже с полчаса в ожидании вызова.

– Да нее... К такому я норм. Побегаешь полсмены сломя голову, конечно, зато все понятно: этих к Толику, а эти мои. А тут мое «любимое». Как в Буратино. То ли «пациент скорее жив, чем мертв», то ли наоборот.

– А! – Виталик усмехнулся. – Панические.

– Так точно. – Сергей зло сплюнул сквозь зубы. – А я что, нанимался? Я тоже живой человек, простите за оксюморон. Понабирают на вызовы новичков, а они определиться не могут, как народ тусовать. А как по мне, так их прямиком к Снежане надо. Полежать, прокапаться. Зато дурь из головы выветрится. «Ах, на меня падает потолок, мне трудно дышать, меня бьет озноб, я умираю!» – а потом встала, блин, пошла чайник поставила и на балконе уже сидит музло слушает. А я мотаюсь туда-обратно, как заведенный.

– Слушай, – Виталик быстро обернулся по сторонам, понизил голос и наклонился поближе к Сергею. – Я на днях в отделе слышал, что паническим тебя вообще не надо. Понял? Их всегда к Толику. У них эта фигня никогда типа с

тобой не связана.

– Ты сейчас серьезно?.. – Сергей задохнулся. – Ну, знаете...

Он встал, с силой затушил сигарету в пепельнице и жестко процедил:

– А вот нет. Я не дам над собой издеваться. Я работаю тут уже десять лет, пять раз на доске почета висел, сколько раз меня начальство на планерках хвалило, я заслуженная Смерть нашего района! И меня как мальчишку! Я им покажу. Я устрою этой Лидии Максимовне. Завтра же ее заберу и плевать, что меня у панических не должно быть!

Он развернулся и резко вышел из курилки. Виталик бросился за ним:

– Да погоди ты, не дури, не кипятись! Потом затаскают. Сначала уголовку повесят, а там на пожизненное. Что, в нашем случае, сам понимаешь...

– Нет, даже не уговаривай! Чет меня совсем проняло. Игры они со мной устроили! Ладно, Виталя. Давай. У тебя сегодня как, спокойно хоть?

– Да с утра было спокойно вроде, по мелочи там, пара ларингоспазмов, пневмоний. А после обеда вроде обещали инсульт. Надо съездить на шоссе Энтузиастов, разбить одного старичка... Но ты подумай, Серый. Не пори горячку.

– Ладно, подумаю. Но я ничего не могу обещать... – и Сергей замер на полуслове, уставившись перед собой. Там, возле ресепшена, стояла, очевидно, новенькая. Неприметная очкастая брюнетка, правда, довольно милая. – Это кто?

– Понятия не имею. Новенькая на вызовы, скорее всего. А что?

– Она же богиня... Я должен немедленно с ней познакомиться... Она... она совершенство!

Сергей решительно двинулся в сторону ресепшена, но в этот момент в динамиках раздался голос: «Всем сотрудникам срочно явиться в конференц-зал».

Когда все расселись, Илья Петрович, директор, откашлялся и взял слово:

– Коллеги! Я хочу вам сообщить, что начальник отдела выздоровлений, наш любимый Анатолий, уволился. Да, он давно планировал, и мы искали замену. И я рад представить вам нового начальника этого отдела. Светлана Николаевна молодой, но уже очень опытный сотрудник, с солидным стажем. Светлана Николаевна, встаньте, пожалуйста.

Бесшумно и без тени смущения со своего места поднялась та самая очкастая брюнетка. И не дожидаясь приглашения, заговорила бойким уверенным голосом:

– Рада знакомству и надеюсь на плодотворное сотрудничество. Не люблю долгих прелюдий, поэтому сразу сообщу, что первым моим делом будет довольно запутанное дело Лидии Максимовны, долгое время страдающей паническими атаками. Коллеги, благодарю вас за внимание, но наша рабо-

та не позволяет долго сидеть на месте. Сотрудников моего отдела прошу пройти ко мне в кабинет, мы детально обсудим план действий по озвученному мной делу. Всем остальным спасибо.

Сергей молча вышел в коридор и побрел к себе. Виталик по-прежнему семенил рядом.

– На свидание позову, – вдруг резко выпалил Сергей. – Прямо сегодня. Плевать, как это выглядит. Я до завтра не дотерплю. Я готов за кольцом бежать уже сразу. Ума не приложу, что со мной. А ты иди, Виталя, иди. Там бабушке уже давно пора инсультом обзавестись.

– И что ты будешь теперь делать с той Лидией панической и со своей обидой?

– С Лидией... – Сергей посмотрел в никуда и пожевал губами. – Повезло ей.

История нашей любви

– Мы встретились весной, в конце марта. Я не ждала и была не слишком готова. Той весной не могло случиться ничего особенного. Ведь все особенное уже случилось раньше.

Он был смешной, трогательный и... мой. Я сразу это поняла. В таких случаях говорят, что ударила молния, бла-бла... Но так и есть. Это была молния.

Я прошла бы мимо, честно. Но он не позволил. Он с самого начала дал понять, что у меня ничего не выйдет – не получится уйти.

Иногда я просила кого-то там наверху, я обращалась к голосу разума, я строила сама для себя четкие схемы обоснований, почему мы не можем быть вместе.

Но та молния не давала покоя. С нею пришли все вы. С нею я разом, в один момент, как это и бывает при вспышке, увидела всех вас. Потом я не раз спорила сама с собой, отрицала увиденное... Но в сущности, за нас ведь в жизни все уже решено...

Детская горка у ночного Макдональдса, в руках – по бутылке пива (которой уже по счету в ту ночь?), ветер – ультимативно весенний, в сердце – вы. Ничего не хотела, ни о чем не думала, планировала жизнь иначе, а в сердце все равно уже поселились вы.

Вы были в нем и тогда, во время польских рок-фестива-

лей под Белостоком, когда я неожиданно для себя самой бесстрашно напала на пьяных присташих к нам гопников. Наверное, мною опять двигали вы...

Нам было сложно, чего таить... Таким всегда сложно. Нам всегда суждено видеть свою инаковость. Поэтому я уже прекрасно понимала, что ждет меня – нас! – дальше. Ведь в моем сердце уже были вы.

Дальше было все, как в жизни: поэзия неминуемо сменялась прозой. Таких, как мы, в этом мире тогда было уже порядком, но мы все равно вынуждены были скрываться. Общество всегда консервативно, и признать, что рядом с тобой теперь навсегда, на веки вечные, будут жить такие, как мы, мог в то время далеко не каждый.

Но мы смогли, мы выстояли. Мы создали свой мир. Чтобы появились вы. Ведь вы что?..

– ...с самого начала поселились в твоём сердце, хоть ты и не хотела верить, – вывел знакомую фразу стройный хор.

– Правильно, милые. Так и есть, – я открыла глаза, посмотрела на них, улыбнулась и перевела взгляд на долину. Солнце стыдливо опускалось в горы, пытаюсь спрятаться от ветра, который, как и много веков подряд, настойчиво щекотал его золотые пятки, утверждая: «Тебе все равно не уйти».

«Точно как дед» – с усмешкой пробормотала я.

– Что, бабуль? – стройные голоса внуков заставили меня очнуться.

– Ничего, милые. Я говорю, солнышко садится. Бегите, а

то крылышки и шейки отморозите. И знаете что? Позовите мне деда. Будем с ним чай пить. И пусть поторопится – закат сегодня что надо. А то засиделся с гитарой.

Внуки вскочили с гамака и, весело щебеча, побежали в дом, заботливо прикрывая друг другу ладошками крылышки и кутаясь в шарфы, под которыми, на шейках, бились дополнительные сердца – наш родовой признак.

Про ботильончики

Вывеска действительно была невзрачной. Как и обещал тот радостно щебечущий голос в телефонной трубке. И висела она как-то косо, между «Ремонтом паровых котлов» и «Кундалини-йогой для всей семьи». «Да уж, компания под стать. Развелось же ж всякого...» – саркастично хмыкнула Оля, но, ни на секунду не задумываясь, потянула на себя пластиковую дверь.

В помещении было светло, неожиданно уютно и пахло лавандой. За небольшой стойкой сидела улыбающаяся женщина средних лет:

– Добрый день! Меня зовут Анастасия. Вы по поводу аппарата?

Оля кашлянула:

– Да, я Ольга. Мы созванивались вчера вечером.

– Да-да! – зашебетала Анастасия. – Вот, пожалуйста. – И она протянула Оле какую-то белую трубочку, похожую на тампон для тех самых дней. В запаянном полиэтиленовом пакете.

Оля недоверчиво взяла аппарат двумя пальцами.

– Вот здесь две кнопки, – сказала Анастасия. – Нажимаете верхнюю – и тело уменьшается на двадцать процентов. Здесь встроенный сенсор, работает на базе фотошопа, так что будет постоянно считывать ваш внешний вид и постепенно де-

лать из вас красотку, как эти все инстателочки. Но напоминаю! Прибор экспериментальный! Патент мы зарегистрировали, но испытания еще не окончили. Вы практически участвуете в его тестировании. Поэтому за результат наша компания не ручается и поэтому же выдает вам его бесплатно. Ой, вам же есть восемнадцать?

– Да, недавно исполнилось, вот паспорт, – Оля протянула документ. – А вторая кнопка?

– Вторая возвращает все назад. Точнее, отменяет предыдущий шаг. По крайней мере должна... – голос Анастасии вдруг стал менее уверенным. – Но пока все шло хорошо, все отзывы положительные. Берете?

Оля кивнула, спрятала «тампон» в сумку и вышла на улицу.

Была зима, но за эти пять минут в помещении она успела облиться с ног до головы потом и теперь пыталась прийти в себя. Когда ты вешишь без малого 130 кило в 18 лет, то совершенно неважно, зима или лето, – жизнь твоя все равно невыносима и точка. А одноклассницу Светку все время хочется убить и тоже точка. «Фотомодель, блин. Обычно им до таких, как мы, дела нет, мы просто не существуем. И чего она ко мне привязалась...» – уныло думала Оля, уже бредя на пары.

В универ она пришла за пятнадцать минут до звонка, аудиторию как раз открыли, и вся группа ломанулась внутрь с целью поскорее занять места на «камчатке», подальше от

унылого препода по эстетике. Внезапно Олю кто-то сильно толкнул, и она по инерции чуть сама не снесла нескольких человек рядом.

– Айй!.. Корова жирная, куда прешь! Как ты уже достала! Ты мне еще и кофту порвала, гадина! – конечно, это была, как назло, Светка. Обычно у Оли в таких ситуациях немедленно появлялось желание исчезнуть, испариться, провалиться сквозь землю. Но сейчас она вспомнила про аппарат и неожиданно почувствовала злой азарт.

Поток уже выплюнул ее в аудиторию, народ рассосался и начал рассаживаться. «Сейчас я вам всем покажу, – кипя от ярости, думала Оля. – Сейчас вы все увидите, что со мной произойдет». Она подошла к Светке, вытянула вперед руку с аппаратом и победоносно нажала на кнопку. Но прибор оказался и впрямь экспериментальным, потому что едва успешная удивленно взглянуть на Олю Светка в ту же секунду растворилась в воздухе, а на пол аудитории аккуратно и печально опустились свитерок со свеженькой дырочкой, джегинсы, два браслета, три колечка и бельишко. И составили компанию внезапно осиротевшим ботильончикам.

Когда твой кот – социопат

Дети давно просили кота.

Сын – черного мальчика. Дочь – белую девочку.

Когда аргументов «против» не осталось, в приюте был отыскан подходящий вариант – белый мальчик.

С именем мои старорежимные дети не заморачивались. Барсик, говорят, он будет. И все тут.

Ну ок. С моей точки зрения. Я тоже этот, консерватор. А вот Барсик оказался пофигистом. Его что Барсиком, что кыс-кысом – ноль эмоций. На своей волне чел. Что есть кот, что нету. Сегодня откликнусь – завтра нет. Сегодня погладишь – а завтра фиг.

В остальном проявлял себя довольно по-котиному. Днями сидел на кухне и почему-то сверлил глазами вентиляционную решетку. Ночью спал. Никаких претензий. Лоток уважает. Сухой корм грызет. За ноги не цапает.

Притерлись. Но знаете, как-то без души. Не того хотелось детям. Не на такого питомца рассчитывали. На более классического, что ли. Чтобы и с бумажкой с ниточкой, и погонять, и спать с собой поукладывать.

Однажды ночью я проснулась от звуков. С кухни. Кто-то что-то отодвигал, придвигал... Я пугливая невероятно. Разбудила мужа, пошли вместе. Он впереди, я за ним.

На кухне горит свет, решетка от вентиляции валяется на

полу. На столе стоят чашки, гринфилд наш черный паке-ти-ро-ван-ный, печенье. За столом – Барсик. Естественно по-че-ловечьи, нога за но... тьфу, лапа за лапу. Рядом с ним, на другой табуретке – человек... Нет, скорее, кукла. И ка-кая-то, знаете, до боли знакомая.

Мы с мужем, понятно, ошолбенели от картинки. Но даль-ше было круче. Открывает Барсик пасть свою и выдает при-ятным баритоном:

– Сергей, Ирина! Ну вот клянусь! – и лапой себя в грудь. – Не по тем я делам. Люди вы хорошие и дети у вас не совсем монстры, и привык я к вам, чоужтам. Но... не могу. Не то у меня нутро. Социопат я. Но не могу просто уйти. Поэто-му нашел себе преемника. Кузьма любезно согласился быть вашим домашним домовым. Поверьте, это даже лучше, чем котейка. Ус даю!

Мы с мужем смотрим на человечка – и точно! Это же до-мовенок Кузька из мультика! А он так:

– Здрассссьте, – шелестит и стеснительно глазками стре-ляет.

А Барсик:

– Вооот... Ну, вы тогда знакомьтесь, а я, значит, в общем, оревуар.

Задрал хвост, вскочил на подоконник, открыл форточку и выпрыгнул в ночной туман.

История одного дневника

«март, 1965.

Это кафе на 14-й улице тесное и тусклое, но мне почему-то здесь уютно. И кофе очень хорош. Я прихожу сюда уже третий раз и по странному стечению обстоятельств каждый раз вижу его. Не знаю... Наверное, так бывает, когда вереница людей ежедневно просто проносится мимо, но однажды взгляд и память застревают на каком-то человеке. Так и здесь. Он довольно молод, гладко выбрит и все время в окружении друзей. Они галдят, курят и что-то бурно и весело обсуждают.

декабрь, 1965.

Я прихожу в это кафе исправно каждую неделю. Он появляется здесь по четвергам, я уже вычислила. Всегда не один, всегда! Это так удивительно. Ведь я, например, так и не нашла себе компании для походов сюда. А им с друзьями всегда весело и есть о чем поговорить. Нет, за все время он так и не заметил меня, хотя мы, можно сказать, каждую неделю несколько часов проводим практически вместе. Я знаю наизусть уже каждую складочку у его рта, всю коллекцию усмешек, три седых волоска на левом виске и изогнутую венку на правом. За этот почти год, что мы «знакомы», он стал более, что ли, зрелым, а разговоры за столом – более тихими и отрывистыми.

февраль, 1966.

Сегодня он впервые не пришел. Я не могла найти себе места. Заказала четыре чашки кофе, четыре! Выкурила почти пачку. Были только три его друга. Что-то тихо обсуждали. Он так и не появился. Я ушла.

март, 1966.

Его так и не было.

апрель, 1966.

Не появляется! Друзья приходят.

май, 1966.

Приходит только один из друзей. И гораздо реже.

июнь, 1966.

Не приходит никто из компании! Никто! Я в отчаянии!

июль, 1966.

Никого.

август, 1966.

Никого!

сентябрь, 1966.

Появился его друг! Сел за их привычный столик. Заказал виски на три пальца и без содовой. Это очень странно, ведь они никогда не пили виски, ограничивались пивом.

Я не выдержу. Решено – я подойду к нему, и будь что будет!

(...)

Рик в январе в составе пехотной дивизии был направлен в южный Вьетнам и погиб от рук вьетконговцев в конце ав-

густа...»

– Мадам, ваша вилка под столом! Мадам, и записная книжка упала. Ох... Мадам, может быть... платок? И, наверное, воды...

Про обособление членов

«Мне не нужна Ваша частица, мне нужно все Ваше существительное. Без всяких предлогов я вступил бы с Вами в союз и глаголом сжег бы все обстоятельства места и времени».

Это было уже пятое письмо. Молоденькая учительница русского Зоя Игоревна каждый раз заливалась краской до самых пяток, а в конце письма раздражалась негодованием – потому что письмо все время было подписано. Смело и нагло: «Ткачев». Рослый, крепкий одиннадцатиклассник, красивый, как помесь Есенина с Маяковским, и умный, зараза, как Виктор Пелевин.

Зоя Игоревна совсем не знала, что ей делать, а письма продолжали приходить.

«Закрывать кабинет на ключ и остаться там с Вами. Не правда ли, это было бы лучшим место_имением?» – писал Ткачев в конце первой четверти.

«Я хочу быть вашим именем прилагательным. Я приложился бы к вам нежно, но страстно, и обособлял бы, обособлял... В самой сложноподчиненной форме» – писал он в начале третьей.

Зоя Игоревна давно забыла о стыде и гневe. Она больше ни о чем не могла думать, кроме как о Ткачеве и его морфемах, особенно о корне. Но она была благоразумной девушкой, и воплотить ткачевские, а теперь уже и свои, фантазии

в реальность казалось ей невысказанным, невозможным. Она очень дорожила своим местом в лучшей гимназии города.

А в конце учебного года письма перестали приходить. Ткачев по-прежнему являлся на все уроки и пожирал Зою Игоревну глазами со своей последней парты, был всегда безукоризненно подготовлен, получал отличные отметки, но... писем не писал.

Зоя Игоревна сломалась. Она то вызывала Ткачева на каждом уроке, лихо лупя в журнал пятерки, дырявя от выжигавшей душу страсти бумагу школьного журнала, то, напротив, переставала вызывать его, уходила в игнор, невзирая на всегда стремящуюся ввысь его руку.

Тщетно.

А потом, когда закончились все экзамены и в школе запахло краской, а вереницы перевернутых парт выстроились в коридорах, Зоя Игоревна, зайдя в кабинет уже ушедшего в отпуск завуча, чтобы вернуть туфли, которые та одалживала ей для выпускного, увидела на столе бесстыдно раскинувшую все свое междометие директрису, а с ней – Ткачева. Который обособлял ее во всех падежах.

Пик и Пок

Жили-были Пик и Пок,
Пок – толстенный, как мешок,
Пик – длиннющий, как сосиска.
Ты представил их, дружок?

Пик работал циркачом,
Шпаги он глотал причем.
Пок завидовал немного —
Он районным был врачом.

«Если что-то предпринять,
Шпаг не сможет он глотать.
Что же делать... я же медик...
Надо как-то помешать...»

Пик в тот день бежал домой
Со всех ног, как заводной,
Дорогой билетик в ложу
Другу он достал, герой!

– Пок, смотри, что я принес!
А ему кувалдой в нос.

Вот така мораль, ребята,
Вот такой апофеоз.

Человечек из резиночек

А вы верите в любовь с первого взгляда?

Вот и Люся Воробьева не верила. Никогда не верила. А зато в одиночество очень даже верила. И проживала свою жизнь в уютной старинной однушке в центре Львова, на площади Рынок, доставшейся ей от бабушки по материнской линии. С другой стороны, почему «проживала»? И не проживала вовсе, а так, прозябала. Потому что разве это жизнь? Хотя Люсе так не казалось.

Люся трудилась в журнале «Рукоделие в каждый дом» верстальщицей. Сейчас вы ждете, что в следующем предложении я напишу, что работу свою она ненавидела ровно так же, как и свою жизнь? А вот и нет. Любила она свою работу, как ни странно. С радостью шагала каждое утро на трамвай номер три, который, весело урча, принимал ее в свои объятия и начинал пьяно мчаться по городу. Люся плюхалась на одиночное сиденье по левой стороне, подмигивала проплывающему мимо памятнику Ивану Федорову – она каждый раз чувствовала себя с ним одной бандой, если можно так выразиться по отношению к первопечатнику. То есть каждое утро она как будто бы ехала продолжать их общее дело – нести в массы свет, культуру и печатное слово. Ну, с сомнением у Люси было тоже все в порядке, как вы поняли. С работой все в порядке, с жилплощадью все в порядке, а вот

с любовью и семейным счастьем не в порядке. Теперь следующим предложением вы наверняка ждете появления кота, правда ведь? Ну как же, одинокая интеллигентная женщина... Кто из них обходится в наше время без кота? Но опять нет. Люся была брезглива, к тому же в ней до сих пор жила травма детства, когда в родительском сельском доме в Прикарпатье вместе с немаленькой семьей проживало человек десять котов. Поэтому нет, нет и еще раз нет! К тому же центр города, дом – памятник архитектуры, как можно! Нет.

Чем же Люся разбавляла свои одинокие вечера? Что плескала она на дно своей кричащей горьким эхом жизни каждый раз, возвращаясь из редакции? Плетение из резиночек. Да-да, это увлечение предпубертатных девочек, о котором однажды имел несчастье (или счастье?) написать ее родной журнал. А Сергей и Ольга из ютьюба, оплетающие современность своими цветными колечками, стали ей практически семьей. Этакой шведской семьей. Ты да я да он. Люся, признаюсь, помешалась на этом увлечении, я уж не буду говорить о том, что вместо шикарного ковра, который еще тетя Роза привезла тогда из Ташкента, у Люси на стене теперь висела цветная резиновая... ммм... кольчуга? На полу в коридоре вместо циновки были разбросаны разноцветные круглые половички из того же неприродного материала, а на серванте было расставлено бесчисленное братство всевозможных животных да сказочных персонажей да фруктиков да вазочек с такими же резиновыми плетеными цветами. Но боль-

ше всего Люся дорожила ИМ. Человечком в костюме жениха. Во фраке, в почему-то рыжих туфлях и с бабочкой цвета фуксии (там просто оставалось 12 резиночек цвета фуксии и 48 рыжих, Люсе очень хотелось куда-то их применить), с белым жабо и в рыжей, под цвет туфель, шляпе. Тридцать девять лет тетке, а с плетеным вялым человечком она разговаривала, да что там – спала, положив его рядом на подушку; жаловалась на начальника, который опять пропесочил ее за то, что не сняла колонцифры с концевых полос; заливисто хохоча, рассказывала о том, что сегодня на Ивана Федорова некрасиво накакал голубь – в общем, развлекала себя Люся в своей зыбкой жизни, как могла.

В тот день трамвай номер три опоздал. Люся уже отморозила себе все ноги в дутиках (говорила же Наташа не брать это «гэ», только кожа, только хард-кор, но Люсе как раз зарплату тогда задержали, поэтому пришлось брать дутики в три раза дешевле кожаных сапог, эх), а трамвай все не ехал. Длинная стрелка часов бесстрастно и нагло перевалила за половину девятого, и Люся уже начала паниковать, зная нрав главреда. Она снова и снова шагала взад-вперед по остановке, и вдруг ей в глаза бросилось что-то несколько выбивающееся из серого грязного фона ноябрьского асфальта. Она подошла поближе. Это была палка. Цветная. Как леденцы на кассах в гипермаркетах. Но все же не оно. Люся подняла палку двумя пальчиками, повертела в руках. Странная вещьца. Ничего похожего она никогда не видела. И в это самое

мгновение из-за «домика» остановки вышла женщина. Вот опять же – вы уже готовы увидеть эдакую сухонькую старушонку с трясущейся ручонкой и добрым мудрым взглядом, так? Но нет, это была дородная дама неопределенного возраста, так сказать, сильно молодящаяся пожилуха, с большим, просто-таки огромным бюстом и совершенно махрово советскими кудрями полусожженной химической завивки. В руках она держала газетный кулечек, в который опускала руку за семками и через секунду смачно сплевывала шелуху под ноги.

– Ну что, доча, – не прекращая сплевывать, сказала она, – нашла все-таки? Я тебе так-то уже третий месяц ее подсовываю.

– Это вы мне, женщина? – растерялась Люся, по-прежнему вертя в руках цветную палку.

– Да какая ж я тебе женщина! – почему-то рассердилась собеседница. – Вот вроде все такие порядочные, приличные, а как рот раскроют... В наше время всех было принято называть девушками, хоть ты уже одной ногой на пенсии! – И она особенно смачно сплюнула шелуху уже не себе под ноги, а Люсе. – Иди с глаз, все, видеть тебя больше не могу, надоела за три месяца, каждый день тебя здесь пасу на остановке. Палку только держи, дурища, держи! Не выпускай из рук! Не бойсь, не отравленная, – и вдруг запрокинув голову, «девушка» заржала аки конь и пошла в сторону «Арсенала».

Люся еще постояла пару минут с оторопевшим выражени-

ем лица, потом наконец подошла «тройка», она зашла в нее, села на свое сиденье, трамвай-опоздун виновато запыхтел и покатил ее в редакцию, в которую она уже безбожно опоздала. И только выходя из трамвая, Люся поняла, что палку эту она по-прежнему держит в руке. Спohватившись, она брезгливо и пугливо бросила ее, вот прямо там, где стояла. Палка покатилаcь как-то особенно резво, не так, как по законам физики должен был катиться такой предмет. И вдруг остановилась, наткнувшись на препятствие. Это были чьи-то ноги. Точнее, рыжие туфли. Люся медленно подняла взгляд и поняла, что, идя за катящейся палкой, она дошла до крыльца редакции, а туфли, в которые палка уперлась, принадлежали ее начальнику, тому самому бесноватому главреду Семену Ильичу. И именно он сейчас стоял перед ней вот в этих рыжих туфлях, а выше них у него были черные брюки, а выше брюк – белое жабо, черный фрак, бабочка цвета фуксии и рыжая шляпа. Он протягивал Люсе дешевые хризантемы в скромном целлофане (потому что откуда у главреда журнала «Рукоделие в каждый дом» деньги на хороший букет?) и бормотал:

– Людмила Богдановна, я прошу вас стать моей женой.

Кася. Часть 1

Ночью металось. Металось, душило, не могло найти выхода. Странная ночь, думалось Касе, не такая, как все. Хотя что сейчас можно назвать не-странным? В этой то тягучей и липкой, то грубой и отрывистой, как лай собаки, жизни? Кася встала, стараясь не разбудить спящих покатоком друг на дружке детей, и осторожно вышла в сени. Три часа. Скоро светать начнет, ночи в июле все еще миг. Была – и нет, успевай прилечь... А оно плескалось внутри, словно старалось найти выход, и Кася поняла, отчего она проснулась, едва успев прикрыть глаза после своего привычного суетливого серого дня. Оно ДОЛЖНО найти выход именно сегодня, сейчас, в эту минуту. Повинуясь резкому порыву, Кася отодвинула засов, сняла тяжелый стальной крюк с двери и распахнула ее. В нос сразу бросился густой аромат ночи. Оглянувшись на посапывающих Сымона и Ядвигу, Кася глубоко вдохнула и, закутавшись в платок, сделала шаг. Евсею вставать в поле через два часа, она должна успеть. Если бы только знать, что именно она должна успеть...

Кася шла босыми пятками по еще не успевшей покрыться росой высокой траве, удивляясь силе и четкости шага. Это она, та, которая боится песчинки, паучинки, камушка и крапивы. Сегодняшней ночью не замечалось ничего и ничего не имело значения, кроме одного – того самого, что плескалось

у нее внутри, возле сердца. Оно как будто направляло ее, но куда – Кася не знала. Она просто шла, и привычные мысли кружили в голове, как ласточки. Но кроме мыслей было сейчас еще что-то. Кася сначала не поняла, что именно не так, она только шла и дышала, шла и считала, шла и отмечала. Сверчки, пруд с кувшинками, ах как кричат лягушки, ни днем спасу от них нет, ни ночью, в ветвях любимой плакучей ивы запутался нежный ночной ветер, не холодно от него, нет, хоть и босая, хоть и ночь, а вот и пригорок, с которого так хорошо видно всю околицу и на который она так любила подниматься в детстве, но когда она делала это последний раз – она никак не могла сейчас вспомнить.

Все так же ведомая невидимой силой, неся тяжелый плеск, маятником раскачивающийся у нее внутри, Кася опрометью взбежала на пригорок и ахнула. Все было, как тогда, много лет назад. Тысячи смыслов пронеслось у нее внутри в одно мгновение, плеск всхлипнул и подкатился к самому горлу. Над головой внезапно пронеслась стайка стрижей. И Кася вдруг все поняла. Она раскинула в стороны руки – и пуховый платок упал с плеч, оставшись белым пятном на седой рассветной траве. Взвившийся с ивы ветер, тот самый, что нежно обнимал Касины пятки минуту назад, вдруг так же нежно, но уверенно, не оставляя никаких сомнений, охватил ее, и больше не было ни мыслей, ни вопросов. И плеска тоже больше не было. Кася встала на цыпочки и полетела.

Кася. Часть 2

Сначала Кася открыла только правый глаз. Кругом было ярко, слишком ярко, чтобы это можно было выдержать. Тогда она прикрыла его назад. Левый открыть не получалось, как и всегда – открывался только правый или оба, такова уж была ее особенность. «Ну ничего, полежим с закрытыми, подумаем, что со мной могло произойти». Однако долгим думам не суждено было случиться – рядом с ухом раздался громкий бодрый бас:

– Тааакс, ну и что у нас здесь? Есть какие-то подвижки, Алла Петровна? Вроде ж уже пора. Ага, и сам вижу, что процесс пошел. Ну-ка, голубушка, открываем глазки, да-да, не стесняемся, потихонечку, не спеша, вот таааак... Здравсьте!

На Касю смотрело энергичное густобородатое и совсем еще молодое лицо довольно плотного мужчины в белом халате.

– Ну что вы нам расскажете, Екатерина Брониславовна? Или нечего? Вот и я так думаю, что нечем тут хвастаться. Аяйя, такая молодая красивая женщина, что это за босоногие вылазки ночные, что за полеты во сне и наяву? Нет, Петровна, – продолжало лицо, обращаясь уже не к Касе, а, наверное, к той самой Алле Петровне, что, должно быть, находилась в этом же помещении, но Касе ее не было видно, – это ж надо, а? Ты подумай! До чего эти невротики дошли!

Значицца, оставила мужа и детей, вышла себе в чисто поле босая посеред ночи и вперед, таво! Полетела она, летунья! Ох, блин... Что ж вы так живете сложно? Чего вам не хватает, мамыши вы молодые, спрашиваю я вас? Молчите... А потом вот тут лежите. Целыми палатами. Ну ничего, лежите. Вам же и на пользу. Что я, сам не знаю, каково оно... У самого трое, да все дошкольники. Так я хоть мужик. Утром сюда, на работу, а вечером к ним. Вот и гоняю жену, чтобы не придумывала себе всякого, чтобы не мыслила свои мысли до трех часов ночи, чтобы на курсы йогукалывания или кройкофитнеса какого пошла. Я ж не всегда на работе, пришел – и иди, пожалуйста, что я, не справлюсь?

– Палатами?... – прервала бороду Кася и не узнала свой голос, таким тихим, слабым и хриплым он был.

– Ну а ты как думала, голуба? – внезапно перешла на «ты» борода. – Больница скорой помощи, город-герой Минск. Слыхала о таком? Ты вообще помнишь, кто ты и что?

– Пппомню... – попыталась кивнуть Кася. – Меня Касей зовут, мужа Евсеем, дети Сымон и Ядвига.

– Мать моя... Свихнулись уже совсем... Ядвиги да Сымоны у них... Хотя чего хотеть с мужем-то Евсеем.

– Нормальные имена, – обиделась Кася. – Между прочим, у мужа так прадеда звали, а о певице Ядвиге Поплавской вы не слышали?

– Во! Это я понимаю! Реакции возвращаются, а значит, интерес к жизни тоже. Поплавская... Так и надо было сына

Александром называть. Чтобы, значит, как Тиханович. Ладно, ладно, шучу! – примирительно подняла руки вверх борода. – В общем, голубушка, доигрались вы тут немножко. Анализы шалют, что немудрено от такой жизни. А кто в такой жизни виноват? А вы сами и виноваты. Взвалили на себя то, что вам не под силу. Да, знаю, многим под силу, сейчас скажете вы. Но вы же и не многие, правда? Зато этим самым «многим» не под силу то, что под силу вам. У каждого своя дорога, свой организм, свои биоритмы, своя конституция, своя психика, своя выносливость. А вы немножко сели не в свои сани. Вот вас эти сани и того... Прихлопнули малость. Теперь лежим, заказываем этому вашему, как его... Евграфу? А, Евсею, да. Заказываем ему, значит, мандаринчики и гранатовый сок литрами, а то гемоглобинчик-то тоже слегка офигел от вашего образа жизни. Лежим и радуемся. Очень сильно радуемся! – строго добавила борода, поднимаясь со стула и направляясь к дверям. – За ангедонию буду приходить и лупить! Понятно?

«Нормально так полетала...» – успела подумать Кася, впервые за долгое время проваливаясь в спокойный и почти счастливый сон.

Куда приводят мечты. О принце

Уже подходя к подъезду, Юля все-таки наступила ногой в глубокую лужу.

«Блин, ну вот как так-то, а? Ну в двух шагах же от дома! Вот если не везет, то везде и сразу, тьфу... Теперь до утра не высохнет же. Как завтра на работу идти?» Юля скрипнула дверью, зашла в темный воняющий мусоркой подъезд и почти на ощупь добралась до лестницы, ведущей к лифту. «Еще и лампочки нет который день... Не дом, а сарай. А вроде такие приличные люди живут...»

Войдя в квартиру, Юля сразу поморщилась. «Опять Генка что-то спалил» – не успела подумать она, как к ней наперегонки кинулись мальчишки. На щеке у Ромки большая царапина, у Славки под глазом феник. Юля охнула:

– Слава! Ну откуда! Как? Что произошло?

– Мам, да ты не переживай, все нормально, я живой, это мы с Коляном подрались, так, слегонца, уже помирились.

– Ладно, иди, я сейчас что-то придумаю, холод хоть прикладывал?

– Неа! – донеслось уже из комнаты.

– А у тебя что, Рома? А ты с кем подрался?

– А я с дерева упал.

– Тоже весело. Уже не спрашиваю, что ты на нем делал.

Ладно, тоже иди. Горе мое.

– Мам, а ты что-нибудь вкусненькое принесла?

– А ничего, что руки у меня уже до колен, как у орангутанга, от пакетов ежедневных? Трое мужиков в доме, а все на мне! И никто палец о палец не ударит, чтобы помочь! И даже мысль такая в голову не придет! – Юля села на своего любимого, но уже так осточертевшего за эти годы конька. – Гена, ну а ты хоть бы вышел, я не знаю, совсем уже совести нет, хоть пакеты забери что ли. Генка, ты меня слышишь?

Гена появился из кухни, тщательно вытирая руки о вытянутые на коленках старые треники и как-то странно прихрамывая.

– А с тобой уже что? Чего хромаешь?

– Да не знаю. Вроде ничего не болит. Я и не заметил. Все ок. Пфф, – как-то неожиданно неуместно закончил свой спич Гена.

Юля подозрительно посмотрела на него, но решила, что вникать еще и в это – будет слишком. Тяжело вздохнув, она сунула ноги в тапки и поплелась сначала в ванную, а потом на кухню, «к станку», как называла она это место.

– Генка, а геркулеса-то купил?

– Да, в шкафу высоком посмотри!

Юля открыла дверь шкафа и уставилась на пакет с овсом. Настоящим, отборным. С усиками. Постояв так с полминуты, она взяла пакет двумя пальцами и пошла в комнату.

– Гена, дружок, а что это?

– Овсянка, как ты и просила.

– Я просила геркулесовые хлопья. Для каши. Как всегда. Ты покупаешь их уже лет пять. А это что такое?

– Ой, слушай. Действительно. Не знаю, что на меня нашло. Прости. Завтра куплю. Не злись, ладно?

Юля снова вздохнула, молча пошла обратно на кухню и положила пакет обратно в шкаф. «Вот что за жизнь? – думала она, чистя картошку. – Тридцать восемь лет, пятнадцать лет замужем. И что я имею? Просиживаю штаны в лаборатории за три рубля, дети хулиганье, тесная хрущевка-двушка, муж... Ох... А как мечталось-то, как мечталось в восемнадцать, а? О принце. С пепельной шевелюрой, с блестящей на солнце короной, который приехал бы ко мне на коне, обязательно белом, да. В серых пятнах. Конь бил бы копытом и фыркал, а принц протягивал бы мне букет анютиных глазок, да, именно их...» Замечтавшись, Юля полоснула себя ножом по пальцу, ойкнула и сунула палец под холодную воду. Вытерев выступившие было слезы, она заглянула в холодильник и опять зависла: оба нижних ящика были до отказа забиты вымытой и очищенной морковкой и крупными яблоками.

– Геен! Можешь подойти?

Спустя секунду муж появился на пороге кухни, прихрамывая, как показалось Юле, еще сильнее.

– Гена, а зачем нам столько морковки и яблок, не подскажешь?

– Ну не знаю, витамины. Захотелось. Порыв! Вот сама же говоришь, что мы ничего не делаем, не помогаем, а тут вот

тебе, муж добытчик, а ей опять не так. Пффф! – Гена снова издал этот странный новый звук, махнул рукой и удалился.

Покормив семью, Юля вымыла посуду, проверила уроки у детей, зашила двое штанов, трое трусов, пятеро носков, отутюжила три пары брюк со стрелками и наконец присела за комп. В квартире было уже тихо. Дети спали, Гена тоже ушел читать на сон грядущий. Юля налила себе чашечку чая и погрузилась в соцсети. В спальне что-то звякнуло. Потом раздался сдавленный стон. И еще какой-то треск, как будто дерево ломается. У Юли упало сердце. На дрожащих цыпочках, включая по дороге везде свет, она добралась до спальни и тихонько толкнула дверь.

Гена сидел на полу возле кровати, поджав ногу и поглаживая ступню с выражением муки на лице. В другой руке он держал морковь. И еще что-то не так было с его головой. Подойдя поближе, Юля обомлела. На ступне мужа она отчетливо увидела что-то желтое, блестящее... Мама дорогая. Это... Подкова??? И такой же цвет на волосах – в их гуще прятался какой-то блестящий желтый ободок с вензелями. Увидев жену, Гена замер. Смутился, покраснел. Закрыв лицо руками. Через секунду, превозмогая, по всей видимости, сильную боль, он встал, попутно достав из-под кровати букетик анютиных глазок, и вручил их Юле.

Расставание

Половица все равно скрипнула, хотя он очень старался ступать неслышно. Закусил губу и затаил дыхание. Вроде тихо. Прошел на кухню, включил чайник. Присел на ее кресло. Смешанные чувства, подумал он. Мы любили друг друга, определенно. Стали бы мы тогда сходиться вновь, уже было расставшись? А ведь сошлись и пробыли вместе еще столько лет. Но теперь все. И она тоже это понимает. Понимаем оба. Тогда почему я хочу сбежать? Потому что долгие проводы – лишние слезы? Нет, так не годится. Мы родные люди, стали такими за столько лет, я не могу просто так взять и уйти. Я должен ее разбудить.

Чайник оглушительно щелкнул. Он вздохнул и поднялся. Но едва вышел из кухни, как наткнулся на нее, взъерошенную ото сна, в трогательной сорочке, с босыми пятками... По ее взгляду он понял, что она уже все знает.

Они помолчали.

– Ну, я пошел? – неуверенно произнес он.

– Да... Наверное. Мы же ничего не можем изменить.

– Ну ты ведь знаешь, что на самом деле можем.

– Мы уже говорили об этом, – быстро перебила она. – Не можем. Потому что нет. И точка.

– Я тебя понимаю, – тихо сказал он.

– Ты уже знаешь, куда пойдешь?

– Сегодня мне скажут точно. К десяти утра меня ждут в офисе.

– К десяти. Какая ирония... Как и меня, – горько усмехнулась она.

– Перестань. Ну сколько можно. Ты пойдешь туда и будешь счастлива.

– Без тебя?

– Именно. Все должно иметь свой логический конец.

Она вздохнула.

– Ты собрался? Ничего не забыл?

– Вроде все. А разве у меня было много вещей?.. Вот только куртку надо бы найти обязательно, чтобы не возвращаться, раз уж ты этого так не хочешь и боишься. Она казенная, мне за нее настучат по шапке, если что. Не помнишь, где она?

– Конечно, помню, – она открыла шкаф и на цыпочках достала с верхней полки пакет с аккуратно уложенной в него черной форменной курткой.

– Нашивка целая? Это самое главное, ее наличие проверят в первую очередь.

– Да. Взгляни, вот.

Она развернула куртку и повернула ее задней стороной. Через всю спину шла белая нашивка с большими буквами: «ДЕКРЕТ».

– Ну, прощай.

Он распахнул дверь и резко закрыл ее за собой.

Синее-синее

Море сегодня было слишком синим. «Неестественное, – подумал Макс. – Как будто в каждом литре банку детской гуаши растворили».

Они сидели на причале. Как и каждый день этого странного лета. И сегодня впервые не знали, о чем говорить. Макс пнул ногой камешек и посмотрел на Маринку:

– Ну, пойдём?

Маринка пристально вглядывалась в эту неестественную синь, хмурилась и кусала обветренные губы.

– Марин, ведь все решили.

– Ты уверен?

– Да.

Тамара Ивановна, сухая, изношенная, но преисполненная достоинства женщина, встретила их на крыльце своего дома. Вернее, его можно было когда-то назвать домом, а теперь он больше смахивал на хибару – как все теперь на полуострове. «Это не страшно, – пронеслось в голове у Марины. – Ведь с ним. А значит, все равно где».

– Мам... – начал Макс.

– Максим, сынок, что происходит? Добрый день.

– Мам, помнишь, я рассказывал тебе про Марину? – спросил Макс и осекся, перехватив взгляд матери, которым она вцепилась в инвалидную коляску.

– Я-то помню... – голос Тамары Ивановны перешел на сдавленный шепот. – Но я и предположить не могла, что мой... что мой... единственный... – Тамара Ивановна вдруг стала оседать на землю, пытаясь схватиться куда-то за воздух. Макс успел подскочить и подставить под мать табурет.

Марина, казалось, застыла на своем троне. Напряженно глядя на происходящее, она по-прежнему кусала губы и молчала.

– Мама, – твердо начал еще раз Макс. – Ты прогрессивная умная женщина и всегда такой была. Если бы я не был уверен в том, что ты отнесешься к моему выбору по-человечески, я бы даже не ставил тебя в известность. Мы просто пропали бы в один прекрасный момент. Вдвоем, я и она. А потом я позвонил бы тебе откуда-нибудь из Питера и сказал, что уехал жить туда. Мам, ты же читала книгу. И кино смотрела в молодости. Там еще этот снимался... Как его... Твой любимчик. Они же полноценные люди. Все умеют и все могут. И даже существовать в двух стихиях! Они круче, чем мы! Это не болезнь. Ну родилась она такой, понимаешь?

Тамара Ивановна, потихоньку было приходившая в себя, подняла на сына совершенно безумный взгляд:

– Чт... тооо?

И забыв, что только что чуть не стала жертвой апоплексии, Тамара Ивановна вскочила, бросилась к Марине и сорвала с ее ног плед, которым та была укрыта.

Мать Марины всегда диву давалась, откуда что взялось. В

их роду ни у кого раньше не было таких упругих, полных силы, блестящих и переливающихся всеми цветами бензиновой лужицы хвостов. А этот раздвоенный кончик, мmmm... сколько парней в их Лисьей бухте он сводил с ума. А вот надо же. Случился в ее жизни Макс... Но все это уже было неважным. Тамару Ивановну уже несло. Откуда и сила взялась. Половина поселка стеклась к воротам. Кто-то снимал на телефон. Через несколько часов будет гудеть весь интернет... Максим что-то жарко объяснял матери, что-то доказывал... А та заламывала руки, то рыдала, то рвала на себе волосы...

Марине стало одновременно горько, стыдно и почему-то смешно. Она развернула свой трон и медленно покатила по пыльной дороге вниз, к морю. Максим с матерью этого не заметили, а онемевшие соседи расступались, освобождая ей дорогу.

Добравшись до самой кромки воды, Марина поднялась, нырнула и ушла на юг, в сторону Гурзуфа.

Жираф и яблоко

– Как же он здесь очутился?! Советник Мхрц, вы можете объяснить?

– Да, сир. Третья экспедиция Юпрса допустила ошибку во время обратного прыжка. Это существо случайно пробралось на Борт-5, а дальше – только беспечность Юпрса и его команды.

Сир Ху IV и советник Мхрц одновременно закрыли свои голосовые отсеки, так же синхронно, отработанными веками движениями, выдвинули зрительные и взглянули на существо.

Маленький дитеныш жирафа спокойно лежал за прозрачной стеной, в герметичной камере, куда по такому случаю срочно доставили кислород, немного азота, водорода – в общем, попытались создать нечто похожее на вещество, которым дышит население той планеты. Той, третья экспедиция на которую окончилась так нелепо. Малыш-жираф жевал невидимую жвачку и невозмутимо вертел головой по сторонам.

– Советник. Ну что же вы молчите, – снова спрятав зрительный отсек и открыв голосовой, произнес Ху IV.

– Совет полагает, сир, что мы должны поступить в соответствии с Великим Принципом нашей планеты – не причинять зла ни одному существу вне зависимости от его проис-

хождения. Но тратить столько времени, 217 оборотов вокруг Сэй-Ло, на дорогу туда и столько же обратно, мы не можем себе позволить, поэтому...

– Вы хотите сказать...

– Именно. Совет считает, что нам надлежит произвести внеочередной запуск Большого Яблока.

– Но это такие суммы, столько ресурса, в том числе кадрового, к тому же сегодня выходной, все на дачах... – пробормотал Ху IV. – Впрочем, вы правы, другого выхода нет. Трубите общий сбор.

И уже через минуту все пространство ангара кишело ползающими туда-сюда по полу сотрудниками Центра.

Был срочно доставлен уже было уползший домой пристыженный Юпрс.

Малыша-жирафа аккуратно переместили вместе с камерой обратно внутрь Борта-5, а затем в середину ангара выкатили исполинское, сто метров в диаметре, красное яблоко.

Когда все было готово, система запустила обратный отсчет.

Пять, четыре, три, два, один, старт!

Под Большим Яблоком медленно открылось дно ангара, гигантский фрукт со свистом вылетел вниз, за ним – Борт-5 с Юпрсом и малышом-жирафом, дно ангара закрылось и дальнейшее можно было наблюдать лишь на мониторах сотрудников Центра.

Преодолев притяжение планеты, Яблоко набрало сверх-

звуковую скорость и через 38 секунд резко остановилось посреди Мироздания. Пространственно-временной континуум искривился, как гамак, на который присела бабушка, и в ту же секунду одну из его сторон насквозь прошел Борт-5, унося первого земного межгалактического путешественника обратно на родную Землю.

Стратегия двух шагов к себе-богине

«Девчоночки, привееееет!

Пупсики, как всегда: ставим сердечко – и только тогда читаем дальше. Вам несложно, а мне приятно. Лучики добра вам в ленты, мои хорошие!

Вы часто меня спрашиваете, как мне удается сохранять такую безупречную розовую кожу, такой безупречный жизненный тонус и такую безупречную меня аххах!

Окей, котята. Разберем СТРАТЕГИЮ ДВУХ ШАГОВ К СЕБЕ-БОГИНЕ.

– Итак, первое и самое основное. Вы давно знаете, что я начинаю день со стакана горячего молока. И мой директ давно завален вопросами: “Мариам, каак ты научилась так виртуозно наливать молоко в стакан? Как оно сохраняет белизну после извлечения из бутылки?” Обо всем расскажу, обещаю!

– Второй шаг... Ой, опаздываю на шугаринг, кстати, изумительного эффекта на моих ножках и по очень вкусной цене добиваются феюшки в салоне “Онли-бьюти-эва-форева-пушка”. Ссылка в шапке профиля.

И всегда помните, девчоночки, слова великого: “Если хочешь идти – иди, а если хочешь забыть – забудь” ® Ой, ну или там другой значок надо, не важно, в общем.

#А #как #вы #наливаете #молоко в #чашку? #А #вы #знаете, #что #такое #шугаринг? #Расскажите #мне #в #комментариях, #а #то #я #не #в #теме».

– Ну, закончила, Мариам? На абзацы разбила? Маркированные списки сделала? А вопрос? Вопрос в конце не забыла? Не забыла вопрос, а? А? А?? Это ж самое главное!!

– Ой, Дейзи, не визжи. Аж два вопроса поставила. Пусть сидят отвечают. Пойдем пока, там вчера Михалыч такого комбикорму привез! Ты что, отборный! Я те говорю! Упс, а вот и он...

– Так что гришь, Петрович, Машку брать? А Дуська не пожирнее буде, не? Ну так-то да, у прынцеппе, давай Машку сначала забьем. Иди сюды... Пась-пась-пась...

– Дейзи, Дейзи!!! Тут немножечко эпик фейл и шит хеппенс. Бери скорей мой телефон, беги за нами и снимай серию сториз, потом из них смонтируй видео и выложи в IGTV, хэштеги скопируй с предыдущего пост...

О трагических случаях в воспитании

Обертки от конфет, крошки от печенья, карандаши и дырявый носок валялись на полу в гостиной уже третий день, а рев из детской даже не думал прекращаться, и Лена вдруг поняла, что это, пожалуй, все. Больше сил нет совершенно. От слова совсем.

Димка не удивился – Лене даже показалось, что он сам об этом думает, и уже давно.

– Итак, я кратко подытожу, – кандидат педагогических и программных наук доцент Вяко поправил очки и прочел заключение. – Мальчик Егор, 12 лет. «Огрызание, неряшливость, нытье, лень». Девочка Маша, 9 лет. «Троллинг старшего брата, превращение комнаты 17 метров в свалку бомжей ровно за 3 минуты, ор птеродактиля». Вы остановились на пакете 3.0 – «Примерное поведение, аккуратность, отзывчивость». Все верно?

– Д...да.

– Окей, тогда за опт (двое ребятишек) вам полагается бонус – опция самообучения. Иными словами, новые знания,

умения и навыки будут непрерывно самосовершенствоваться.

Лена и Димка переглянулись: стремно, конечно, но звучит, как музыка.

– Итак, детишки, приступим. Вы уже, наверное, знаете, что процедура безболезненная и совершенно безопасная: уже тридцать два года, с 2053-го, в нашем Центре детско-юношеских психооптимизаций мы меняем жизни семей к лучшему.

– Пфф, ясен пень, знаем. Полкласса нашего уже у вас побывали, – пренебрежительно буркнул Егор.

– Отлично! – доцент Вяко бодро показал рукой на ряд куполов, похожих на старинные фены в парикмахерских. – Пройдемте-с!

И мир действительно перестал быть прежним.

В понедельник, придя с работы, Лена застала в квартире ослепительную чистоту, но пройти внутрь ей помешал Егор – он потребовал надеть бахилы. А если нету – приобрести в аптеке за углом.

Со вторника по пятницу после школы дети, закрывшись в комнате, декламировали друг другу Есенина и Блока, а потом готовили ужин, развешивали стирку, Маша заштопала себе и маме колготки, а Егор починил бачок унитаза.

В субботу дети вместе готовили ужин, хохотали, забыли пригласить родителей за стол.

А в воскресенье, вернувшись с рынка, Лена и Димка увидели на лестничной клетке свои чемоданы и не смогли попасть ключом в дверь.

Выбор

– Мы ехали в такси домой. Я, Грэг и наш сын Майк. Ну и таксист. Мы недавно переехали в Штаты из Дублина. Новая страна, сами понимаете. Мы старались все время держаться вместе.

Потом внезапно визг тормозов, толчок, хруст и сильный удар в висок. Я потеряла сознание.

Очнулась быстро, выбралась через покореженную дверь. Кругом зеваки, уже прибыли полиция и несколько скорых. На земле накрытым с головой лежал человек. Осознав происходящее, я с воем кинулась к нему. Но кто-то в толпе схватил меня за рукав, тихо сказал только одно слово: «Таксист» и кивком указал в сторону. Я увидела, как в скорые грузят носилки. На одних лежал Грэг, на других Майк. Живые! И я разрыдалась.

Пауза.

– Что было дальше, миссис Кларк?

Пауза.

– А дальше была клиника. И долгие часы перед реанимацией. В которой были они оба. Я же отделалась легким испугом – только царапины и ссадины. Долгие часы... Мне никто ничего не говорил. Врачи сновали туда-сюда, как тараканы. Меня никто не замечал. А спрашивать я боялась. Спустя вечность... кажется, я задремала, потому что очнулась

от ощущения чьей-то руки на своем плече. Какой-то доктор присел рядом со мной и очень мягко и издалека начал говорить, что они сделали все возможное и что теперь им нужна моя помощь. Майку срочно необходима пересадка костного мозга, а Грэггу – почка. Какая ирония судьбы! Грэг уже двадцать лет жил с одной почкой, и вот авария не оставила ей шансов...

Пауза.

– И вам нужно было...

– И я должна была сделать выбор! Вы понимаете, выбор!!

Одновременно обоим я помочь не могла, организм не выдержал бы, так сказали врачи. Потому что действовать надо было быстро, счет шел на часы. Промедление – и я потеряла бы обоих!

Пауза.

– И я его сделала...

В дверь аккуратно постучали, затем она чуть приоткрылась, но по ту сторону, видимо, передумали и закрыли ее обратно.

– Вы пришли не одна, миссис Кларк?

– Нет.

Горькая усмешка.

– Со мной моя семья. Вернее, то, что от нее осталось...

Грамматический постапокалипсис

К 2026 году НАС не осталось. Мы потерпели фиаско. Последней была наша семья – мои родители и я, 38-летний мужчина.

Мир захватили ОНИ. И в их мире находиться было решительно невозможно. Но моя природа и возраст давали о себе знать – я хотел семью. А родители и вовсе испытывали муку: если я не продолжу род, можно будет окончательно признать, что ОНИ победили.

Нет, я знакомился с девушками. Пускай они заведомо были из НИХ, но мне казалось, я смогу наступить себе на горло и смириться. Увы. Например, Алена. Мы встречались уже неделю, и все шло гладко. А потом, когда мы были у нее дома, она сказала:

– Давай создадим интимную атмосферу. Закрой жалюзи.
Мы расстались.

Затем была Настя. Целых десять дней. Пока она не прозвнесла в телефонном разговоре:

– А ты придешь на мое день рождение?

Потом Кристина. Мы повстречались зимой и продержались почти две недели! Как-то раз вечером прогуливались, была гололедица, и она выдала:

– Осторожно, не подскользнься!

Я переспросил. Она удивилась, но повторила по буквам.

Это была наша последняя встреча.

Оленька... Да, отношения с Оленькой могли сложиться, признаю. Целых три месяца без эксцессов. Я не мог поверить. А потом она впервые за все это время прислала смс: «Я никогда не ела суши. Давай может, закажем, сегодня? Хочу попробовать. Вдруг, понравиться». И я понял, как филигранно был нанесен удар: в устной речи подобные ошибки незаметны. Мама плакала, умоляла не расставаться с Оленькой. Ее можно было понять – она страстно хотела внуков. Отец крепился, но я видел, как ему горько. Во мне самом все кричало от боли, я хотел любви!! Но все было тщетно...

Однажды, тихим августовским вечером, я вышел подышать. В сквере увидел девушку. И онемел. Она сидела на скамейке, склонившись над... книгой!!! Не веря своим глазам, я подошел поближе:

– П.. простите... Вы читаете??

Она взглянула на меня и робко улыбнулась:

– Да. Бориса Виана. «Пену дней».

В горле у меня пересохло. Хриплым шепотом я продолжил:

– Я не помешаю?

– Отнюдь. Кладите куртку, садитесь рядом.

«Виан». «Отнюдь». «Кладите».

Я закрыл лицо руками и разрыдался.

Через девять месяцев наш род был продолжен.

Фиолетовый чемодан

– «Девочка-девочка, выключи радио, черная рука выходит из дома».

В палате все давно притихли. Даже чипсы у толстого Кеши хрустели как-то тревожно.

– А у нас так было. Мама послала одну девочку в магазин купить красный таз...

– ...Тогда пятно заклеили обоями, но оно проступило сквозь обои. И каждую ночь кто-нибудь умирал.

Истории шли наперебой, одна другой красочнее. И Димка никак не мог встаться со своей:

– А я знаю про фиолетовый чемодан.

– Подожди, а у нас в подъезде одна девочка стала убираться в доме. Радио говорит: «Девочка-девочка, гроб на колесиках ищет твой город».

– А слушайте про фиолетовый чемодан. Он как живой. Если ему кто-то не нравится...

– Да блин, мелкий, подожди, какой чемодан! Ребзя, а про черные занавески еще не рассказывали?

Димка насупился. Надулся. Почему другим можно, а ему нет? Только потому, что он самый маленький в отряде? Но у него тоже есть история!

– А фиолетовый чемодан, между прочим, существует! И если ему кто-то не нравится...

– Блин, Кеша! Ты там рядом. Пни его, а? Какой там фиолетовый чемодан. Про него никто никогда не слышал. Серый, и че там с милиционерами дальше было?

– Ну, короче, смотрят милиционеры – а в яме под диваном стоит здоровенная мясорубка, которая людей в фарш перемалывает.

– А фиолетовый чемодан, если ему кто-то не нравится... – по-прежнему не сдаваясь, бубнил Димка.

– А хотите про красные перчатки, которые играли на черном пианино по ночам?

Димка слез со своей койки и полез под нее. Никто, как обычно, и глазом не повел в его сторону, пока он не достал оттуда большой гладкий фиолетовый чемодан.

И тогда в палате стало очень тихо.

Димка не торопясь расстегнул тугие пряжки, затем молнию, проходящую через весь чемодан.

И раскрыл его.

И в ту же секунду все пацаны, как были, в трусиках аккуратно поднялись со своих постелек в воздух, описали красивые дуги и со свистом влетели в фиолетовый чемодан.

– А если ему кто-то не нравится, он того и засасывает, – удовлетворенно произнес Димка и тщательно застегнул молнию и пряжки. – Навсегда. – Ногой подтолкнул чемодан обратно под койку, с наслаждением забрался под одеяло и засопел.

Про мистера Нортон

1. Случай в ресторане

– Так как же вам удалось распознать убийцу, мистер Нортон?

– Оо, это было очень просто, мой мальчик. Вот смотрите. В кафе их сидело четверо. Все молодые, все хороши собой и чертовски обаятельны. Никаких улик, никаких зацепок. Что делать уважающему себя частному детективу в такой ситуации, когда он понимает, что сейчас – или никогда? Правильно – идти напролом. В атаку. И будь что будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.